

ТАРАС ШЕВЧЕНКО В МОСКВЕ (март 1858 года)

В.Ю. Мельниченко

Национальный культурный центр Украины в Москве

Аннотация: В статье анализируются впечатления Т. Шевченко о Москве 1858 года, зафиксированные в его дневниковых записях.

Ключевые слова: Шевченко, Бодянский, Максимович, Мокрицкий, Репнина, Щепкин.

«В доме Щепотьевой»

Время, проведённое Тарасом Шевченко в Москве, было крайне коротким — чуть больше одного месяца на протяжении пяти посещений в течение четырёх разных годов — 1844, 1845, 1858 и 1859 гг. Но Бог определил для поэта особую планку полноты и смысла жизни, да и Первопрестольная испокон веков каждый день измеряла по собственным, непостижимым для других городов масштабам.

Дольше всего Шевченко находился в Москве по дороге из ссылки в Санкт-Петербург весной 1858 года — с 10 по 26 марта. Из дневника поэта [Шевченко 2003, т. 5: 11–187] видно, что, прибыв в город поздно, около 11 часов вечера, он решил в тот день не беспокоить своего друга Михаила Щепкина: «Взял № за рубль серебра в сутки в каком-то великолепном отеле. И едва мог добиться чаю, потому что уже было поздно. О Москва! О караван-сарай! Под громкою фирмою — отель. Да еще и со швейцаром».

В отеле Шевченко очень не понравилось, и он оставил его с утра: «В 7 часов утра оставил я караван-сарай со швейцаром и пустился отыскивать своего друга М.С. Щепкина. Нашёл его у старого Пимена в доме Щепотьевой и у него поселился...» 12 марта Тарас Григорьевич ещё раз уверенно зафиксировал свой адрес в письме к Михаилу Лазаревскому: «Сижу я у Михаила Семеновича Щепкина, близ Садовой улицы в приходе старого Пимена, в доме Щепотьевой».

Речь идёт о Сретенской части Москвы, но буквально соприкасающейся с арбатским ареалом. Достаточно сказать, что на рубеже XIX и XX веков эта местность входила в Арбатскую часть.

«У старого Пимена, в доме Щепотьевой» — Шевченко не называл даже переулка, но не сомневайтесь, что в этом случае адрес был абсолютно точным и понятным. Церковь подобного Пимена, которая находилась неподалеку, была известна всей Москве, а дома, как

мы знаем, тогда назывались по фамилиям их домовладельцев. Посему в Москве середины XIX столетия никаких проблем с поиском дома Щепотьевой возле церкви старого Пимена не было. Зато они возникли через сто лет, когда исследователи вознамерились точно установить, где конкретно находился дом Щепотьевой. Началось с того, что они поленились по-настоящему поискать домовладелицу с довольно редкой в Москве фамилией. Авторитетный москвовед Борис Земенков в конце 50-х гг. XX столетия заявил, что ни в одном справочном издании тех времён ему не удалось обнаружить фамилию домовладелицы Щепотьевой. Через тридцать лет авторы книги «Шевченко в Москве» И. Карабутенко, О. Марусич и М. Новохатский повторили это утверждение и высказали предположение, что Шевченко жил, очевидно, в доме Щепотьева, но, не ведая о хозяине, знал лишь его жену [Карабутенко, Марусич, Новохатский 1989: 156]. Собственно, авторы и в этом некритически продублировали своих московских предшественников. Театровед В. Маслых в статье «По щепкинским местам» в журнале «Театр» (№ 8) ещё в 1963 году утверждал: «Щепкин поселился в Воротниковском переулке в доме Щепотьева... Здесь прожил несколько дней Т.Г. Шевченко». Между прочим, тогда ещё никто не знал, что даже московская полиция, пользуясь устаревшей информацией, докладывала начальству о «доме Щепотьева». В найденном мною в Центральном историческом архиве Москвы «Рапорте» московского обер-полицмейстера, князя Алексея Кропоткина военному генерал-губернатору Арсению Закревскому речь шла о том, что «отставной рядовой Тарас Шевченко прибыл из Нижегородской губернии проездом в С.-Петербург и остановился Сретенской части 1 квартала в доме Щепотьева» [ЦИАМ ф. 16, оп. 47, д. 130, л. 11].

В рапорте не упоминается фамилия Щепкина, и это тоже можно объяснить недобросовестной работой полиции. Дело в том, что за две недели до приезда Шевченко в Москву московский военный генерал-губернатор Арсений Закревский распорядился, чтобы Кропоткин установил строгий полицейский надзор за Щепкиным, которому инкриминировались «неправильные суждения об эмансипации». Формально это было сделано уже 3 марта, то есть за неделю до приезда Шевченко, в полиции логично было бы увязать две фамилии.

Легкомысленные заявления по поводу Щепотьевой также были обусловлены, с одной стороны, поверхностным подходом тогдашней московской полиции, с другой, неглубоким изучением вопроса советскими историками. Достаточно развернуть «Книгу адресов жителей Москвы» за 1858 г. там, где помещаются адреса артистов, и прочесть: «Щепкин Михаил Семенович, Сретенская часть, на Малой Дмитровке, в Воротницком переулке, дом Щепотьевой». Кроме того, мною была проведена поисковая работа в архивах, чтобы наверняка подтвердить, кто был собственником дома, в котором остановился Шевченко. Чрезвычайно интересной оказалась находка исповедальной ведомости церкви Старого Пимена об исповеди прихожан конкретно по каждому дому во время Святой Четыредесятницы весной 1857 года, в которой записана и семья Щепкина: «Дом Щепотьевой. Артист Московских Императорских театров Михаил Семёнович Щепкин. Жена его Елена Дмитриевна. Дочь их девица Вера» [ЦИАМ ф. 203, оп. 747, ед. хр. 1727, л. 811–811 об].

Точный адрес стоял и на письмах, которые получал великий артист. Скажем, в секретных бумагах тогдашнего московского генерал-губернатора графа Арсения Закревского есть конверт с адресом артиста: «Сретенской части на Малой Дмитровке Воротниковском переулке в д. Щепотьевой». Сам Щепкин, находясь на гастролях в Ярославле в апреле 1858 года, то есть сразу после отъезда из Москвы Шевченко, писал жене Елене Дмитриевне Щепкиной: «В Москву в приход Старого Пимена в дом госпожи Щепотьевой» [Государственный... ф. 312, оп. 1, ед. хр. 255].

Стало совсем ясно, что владелицей дома, в котором жил Щепкин в то время, когда у него гостил Шевченко, была именно Щепотьева.

Это была сенсация, и о ней я доложил в январе 2006 года на традиционных «Щепкинских чтениях» в доме-музее М. С. Щепкина. В следующем году вышла в свет моя книга «Тарас Шевченко: „Моё пребывание в Москве“», в которой писал: «Итак, поставим точку в

надуманной версии об отсутствии домовладелицы Щепотьевой и прекратим неоправданную ревизию удивительно точной записи Шевченко в дневнике. На самом деле, как он и зафиксировал, дом числился не за Щепотьевым, а именно за Щепотьевой».

Этот дом давно снесён, но страсти вокруг него не утихают. Дело в том, что в двух шагах от жилища Щепкина находился дом, в котором в мае 1836 года во время последнего приезда в Москву жил у своего друга Павла Нащокина поэт Александр Пушкин. Это был двухэтажный каменный особняк с деревянным мезонином, построенный в 1817–1820 гг. В 1838 г. вместо мезонина надстроили второй этаж¹. Дом № 12 сохранился и называется теперь «Домом Нащокина», на нем установлена мемориальная доска, посвящённая Пушкину. Здесь часто бывал Гоголь, и Нащокин стал прообразом одного из героев второго тома «Мёртвых душ» — Хлобуева.

Так вот, в 60–80-х гг. минувшего столетия в исторической и москвоведческой литературе прочно закрепилась мысль, что именно дом № 12 нанимал Щепкин и именно здесь в марте 1858 года жил Шевченко. Уже упомянутый Борис Земенков писал: «Щепкин переселился в дом № 12 в Воротниковском переулке... За несколько лет перед тем в этом доме жил близкий друг Пушкина — Павел Воинович Нащокин...» [Земенков 1966: 111–112] Эту версию активно поддерживал доцент Московского университета Михаил Зозуля, который в 1974 г. писал: «Дом, в котором Щепкин принимал тогда Шевченко, был в определенной мере знаменитым. Этот дом знал Пушкина и Шевченко, Щепкина и Гоголя, Грановского и Тургенева, многих ученых, артистов и музыкантов». В «Шевченківському словнику» (1977) к статье Зозули «Москва» была даже помещена фотография номера двенадцатого: «Дом, где в квартире М.С. Щепкина жил Т.Г. Шевченко 1858». Как-то совершенно незамеченными остались три верных слова в энциклопедии «Москва» (1980) касательно жилища Щепкина: «Дом не сохранился». Действительно незамеченными, ибо через восемь лет известный москвовед Сергей Романюк в книге «Из истории московских переулков» настаивал, что именно в доме Нащокина жил актер М.С. Щепкин: «Дом № 12 в то время... принадлежал А.И. Ивановой... В 1847–1858 гг. дом снимал актёр М.С. Щепкин. Здесь же в 1858 г. остановился Т. Г. Шевченко». В том же 1988 г. в издательстве «Искусство» в Москве вышли щепкинские «Записки актёра», сопровождаемые соответствующими важнейшими документами, воспоминаниями, перепиской и научными комментариями. В самом их начале была помещена уже упомянутая фотография: «Дом П.В. Нащокина в Москве (Воротниковский пер. 12; с 1847 по 1859 год в этом доме жил М.С. Щепкин)».

И, наконец, уже в наше время в «Комментариях» к шестому тому Полного собрания сочинений Шевченко, изданных в Киеве, утверждается: «Современный адрес тогдашней квартиры М.С. Щепкина — Воротниковский переулок, 12».

Первыми высказали сомнение по этому поводу авторы книги «Шевченко в Москве» И. Карабутенко, А. Марусич и М. Новохатский. Они справедливо указали на то, что Шевченко не мог не отметить в своем дневнике о пребывании Пушкина в доме, где он остановился, однако великий украинский поэт даже не упоминал о великом русском поэте. Правда, эти сомнения не могли убедительно и окончательно опровергнуть утверждение приверженцев удобной и привлекательной версии о том, что в одном доме жили в разное время и Пушкин, и Щепкин, и Шевченко. По крайней мере, эта версия господствует в Москве поныне. Однако она не соответствует действительности. Доказать это нетрудно. Известно, что дом № 12 принадлежал губернской секретарше Аграфене Ивановой, о чем есть чёткая запись в «Алфавитном указателе к плану Сретенской части»: «Ивановой Аграфены Ив. Губерн. Секретарши, в Воротническом пер.». Но мы же знаем, что дом, в котором жил Щепкин и останавливался Шевченко, принадлежал совсем другой владелице, а именно Щепотьевой.

¹ «Паспорт», составленный в декабре 1973 года на объект культурного наследия федерального значения «Дом, в котором жил А. С. Пушкин у своего друга П.В. Нащокина в 1836 г.». С. 2.

В Центральном архиве научно-технической документации г. Москвы обнаружил «Указатель к плану города Москвы, печатанному Московскою городскою распорядительною Думой в 1868 году», а в нем — бесценная для меня «Ведомость городских и владельческих имуществ по планам 1849–1854 годов и по окладным книгам 1867 года». В этой «Ведомости» в Сретенской части нашел владение № 411 «Щепотьевой, поручицы, жены канцеляриста».

Эта находка была крайне важной, и я довольствовался ею на время выхода в свет книг «Тарас Шевченко: „Моё пребывание в Москве“» (2007) и «Тарас Шевченко и Осип Бодянский» (2008). Но сама по себе эта информация не давала ответа на вопрос, где именно стоял дом Щепотьева в Воротницком переулке. Поэтому, работая над книгой «Тарас Шевченко: „Мой великий друг Щепкин“» (2009), уже никак не мог допустить, чтобы точное местонахождение дома Щепотьевой, в котором две недели жил у Щепкина Шевченко, осталось не установленным. Я решил обратиться за помощью в Центральный исторический архив Москвы. Полная неудача! Ответ был такой: «Сообщаем, что в документах архива сведений из истории дома Щепотьевой, который находился в Воротниковском переулке Сретенской части г. Москвы, не выявлено».

Таким образом, важнейшими остались дневниковые записи самого Шевченко, из которых следовало, что из окна дома Щепотьевой было видно церковь «старого Пимена». Изучая переписку Михаила Щепкина, наткнулся на ещё один подобный аргумент. В письме к своему сыну Николаю Михайловичу от 16 апреля 1857 года Михаил Семенович писал о пожаре недалеко от дома, где он жил, — у купца Голяшкина (карету Щепкина, возвращавшегося 15 апреля домой, заблаговременно остановили: «Выходите здесь, дальше не проедете, против вашей квартиры пожар, горит дом г-на Голяшкина». Кроме того, Щепкин рассказывал сыну: «...Пожарные действовали отлично, и притом ветер был в противоположную сторону, то все поуспокоились, и, как следует по человеческой природе, чужое несчастье нам интересной картиной, и никого не оторвёшь от окон...»

Следовательно, дома Щепотьевой и Голяшкина, как и Ивановой, находились неподалеку друг от друга, впрочем, в небольшом Воротницком переулке все дома соседствовали. В упомянутом «Алфавитном указателе к плану Сретенской части» читаем: «Голяшкина Никол. Яков., купца в Воротническом пер.». На плане дом Голяшкина числился под № 68. Все это было немаловажно, однако, опять же, не позволяло точно указать местонахождение дома, в котором жил Щепкин. Выпускать книгу в свет без этого не хотел, а сформулированное в ней предложение о сооружении памятника Щепкина и Шевченко в Воротниковском переулке, казалась мне без адреса неубедительным.

И тогда в дело вмешался счастливый случай, но из числа тех, через которые пробивает себе дорогу закономерность. В процессе работы часто встречались учёные и архивисты, которые так или иначе помогали в историческом поиске, а в этот раз счастливая исследовательская судьба свела меня с удивительной женщиной, кандидатом искусствоведения, автором крупных монографий, заслуженным деятелем искусств России Лидией Андреевой. Оказалось, что Лидия Владимировна со дня рождения в 1930 г. и до 1953 г. жила в доме № 16 в Старопименовском переулке. Ее отец — Владимир Андреев (1899–1980) — был крупным инженером-строителем, а мать — Татьяна Просвинова (1895–1943) — архитектором. В середине 30-х гг. архитектор Просвинова взялась за надстройку четырех новых этажей к двухэтажному старому дому № 14 по Старопименовскому переулку, и тогда впервые ее дочь Лидия услышала разговор родителей о том, что в соседнем доме в XIX веке жил актер Михаил Щепкин. В семье его так и называли «Дом Щепкина», и это прочно закрепилось в сознании девочки, а затем девушки, которая назначала свидания у «дома Щепкина».

29 июня 2008 года Лидия Андреева показала точное место, где стоял когда-то дом Щепотьевой, в котором в 1848–1859-х гг. жил Щепкин, а в марте 1858 года гостил Шевченко. «Дом Щепкина» был снесен в 70-х гг. прошлого века и на его месте — на углу двух переулков — построили новый дом. Его нынешний адрес — Старопименовский переулок, № 12/6.

Дом Щепотьевой, из которого Шевченко видел «старого Пимена», действительно выходил своими окнами на церковь, ибо своим парадным фасадом он был ориентирован на въезд из Тверской улицы по Пименовскому переулку (во времена Шевченко переулок назывался Пименовским, позже и сейчас — Старопименовским).

Воспоминания Лидии Андреевой были подтверждены фотоснимками и материалами из фототеки Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева, где, в частности, сохранились изображения «Дома Щепкина», сделанные в 1840-х гг., когда в нем жил Щепкин, и незадолго до его сноса в советские времена.

Теперь — о «старом Пимене» (ещё его называли «великим Пименом что в Старых Воротниках»). Церковь, названная в честь преподобного Пимена, известна с 1493 г. В середине XVII столетия слободу Воротники было перенесено в Сущево, где воротники также построили в 1672 г. церковь Преподобного Пимена, которая стала называться храмом Пимена Нового. Более раннюю церковь в народе называли «старым Пименом». Исторические источники свидетельствуют, что во второй половине XVII столетия она была деревянной. Каменную церковь построили в 1681–1682 гг. Тогда же была возведена шатровая колокольня, которая стояла отдельно и отличалась редкой утонченностью. В 1689 г. после пожара храм восстановили. В XIX столетии в два приёма на месте старой церкви построили новую. В 1825 г. возвели трапезную с боковым приделом преподобного Пимена. Главная церковь перестраивалась в течение более чем десятилетия, начиная с 1848 г., и освящена 20 сентября 1859 года. Таким образом, в то время, когда Шевченко видел «старого Пимена», церковь как раз достраивали. Впрочем, в алтарях шли службы, здесь в январе 1854 года отпевали старенькую мать Щепкина — Марию Тимофеевну: «У меня домашнее горе. Мать скончалась 20-го сего месяца, — отпевать будут в субботу у Старого Пимена».

В первый день пребывания в Москве, поэт, который надеялся сразу посмотреть город и встретиться с друзьями, но, заболев, вынужден был сидеть дома, раздражённо записал в дневнике: «Сиди да смотри в окно на старого безобразного Пимена». Наверное, острый взгляд художника сразу отметил тяжеловатость очертаний храма и все же его суждение несправедливо — Старый Пимен привлекал внимание и выглядел симпатичным. Храм был опозитивирован художником Иваном Павловым на гравюре «Старопименовский переулок», где он изображён в контексте ближних домов.

Впрочем, ясно, что не о храме шла речь, а просто Тарасу Григорьевичу надоело сидеть дома, в чем он сам сознался через три дня: «Надоело смотреть в окно на старого Пимена». Похожую запись в дневнике встречаем 22 сентября 1857 года, когда поэт, из-за непогоды, вынужден был сидеть в квартире в Нижнем Новгороде: «На улицу выйти нет возможности. Из-за стены Кремля показывает собор свои безобразные толкачи с реповидными верхушками, и ничего больше не видно из моей квартиры. Скучно».

«Втихомолку навестил Реннину»

Приезд Шевченко в Москву к Щепкину был омрачён болезнью поэта: «... Глаз мой распух и покраснел, а на лбу образовалось несколько групп прыщей». Шевченко обратился за помощью к Щепкину: «Пригласить медика, какого он лучше знает, потому что болезнь моя не шутя меня беспокоит. Михаил Семенович пригласил доктора Мина. Завтра я его дождаю». Тот прописал ему пильнавскую воду и диету:

«После обеда явились ко мне два доктора, хорошо ещё, что не вдруг. Приятель Ван-Путерена прописал какую-то микстуру в тёмной банке, а Мин — пильнавскую воду и диету. Я решил следовать совету последнего.

Дмитрий Егорович Мин — учёный, переводчик Данта и ещё более учёный и опытный медик. Поэт и медик. Какая прекрасная дисгармония.

У старого друга моего Михайла Семеновича везде и во всем поэзия, у него и домашний медик поэт».

15 марта поэт отметил особую заботу о нем своего друга Михайла Щепкина: «Михайло Семёнович ухаживает за мною, как за капризным больным ребёнком. Добрейшее создание!» 16 марта Шевченко нарисовал прекрасный портрет Щепкина, о котором необходимо сказать отдельно.

Перед нами изысканно элегантный, степенный и вдохновенный Щепкин. Заинтересованно приподняв брови, что, кажется, ещё больше увеличивает его высокий лоб, он смотрит на нас ясными, открытыми и вдумчивыми глазами. Левый глаз прикрыт веком немного больше, и этот штрих, очевидно, взятый из жизни, трогает своей живой точностью. Полные губы, выдающие человека доброго и чуткого, заметно задеты горечью прожитых лет. Лицо великого артиста излучает выстраданную мудрость, можно лишь удивляться и восхищаться психологически тонкой, выразительной и точной характеристикой портретиста Шевченко.

В то же время, аккумулированные в портрете жизненные простота и доброта Щепкина, делают его образ, сказать бы, артистически приподнятым и величественным в понимании, сформулированном Львом Толстым: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

Хорошо видно, что художник вложил в портрет свое глубокое уважение и искреннюю любовь к Щепкину.

Чтобы убедиться в этом, сравним работу Шевченко с портретом Щепкина кисти талантливого художника Василия Пукирева, выполненного за год до Шевченко — в марте 1857 года. 20 марта Елена Дмитриевна писала сыну Александру Михайловичу о муже: «Он сидит теперь дома (в Пост театры были закрыты, и Щепкин больше находился дома. — В. М.), и с него какой-то молодой человек снимает портрет. Теперь очень похож, что-то будет в отделке?» Михаил Семенович «очень похож» и на литографии, сделанной в том же году по рисунку Пукирева. Однако искусная фотографическая точность не выдерживает никакого сравнения с одухотворённостью, влюблённостью шевченковского восприятия старшего друга.

Директор Дома-музея М.С. Щепкина в Москве Антонина Кучина говорила мне, что это лучший портрет артиста. Щепкиновед Борис Земенков писал, что портрет принадлежит к лучшим изображениям великого актёра. Биограф Щепкина Виталий Ивашнев восхищается: «...Один из лучших портретов Михайла Семёновича — на нём предстаёт человек уже преклонных лет, но сохранивший пронизательный ум, живость взгляда, благородство и поэтичность натуры... По одному этому портрету нетрудно представить, какое многообразие оттенков чувств, настроений, порывов души могли наблюдать современники Щепкина в общении с ним, в ролях, исполняемых на сцене».

К портрету, созданному Шевченко, можно применить слова Виссариона Белинского из письма к Александру Герцену, написанные ещё в 1846 г. о другом изображении артиста: «Как хорош портрет Щепкина! Слеза, братец мой, чуть не прошибла меня, когда я увидел эти старые, но прекрасные в их старости черты; мне показалось, будто он, друзьяка, сам вошёл ко мне. Кто хочет убедиться, что старость имеет свою красоту, пусть посмотрит на этот портрет...»

17 марта Шевченко, несмотря на запрет врачей, впервые вышел на улицу: «Вечером втихомолку навестил давно не виданного друга моего, княжну Варвару Николаевну Репнину». Она жила в особняке на Спиридоновской улице (теперь — улица Спиридоновка), то есть, в Арбатской части.

Об этом визите Шевченко — подробнее. С Варварой Репниной поэт не виделся очень давно.

Неудержимое желание увидеть её переполняло душу поэта. Тем более, что Щепкин еще осенью прошлого года, а затем и в начале 1858-го сообщал Шевченко в письмах: «Варвара Николаевна Репнина, которой я читал твоё письмо, просила меня передать тебе её душевный

поклон»; «Репнина тебя целует». Со своей стороны, Шевченко просил Щепкина: «Поцілуй... княжну Репніну»; «А як побачиш мого давнього друга Варвару Николаевну Репнину, то привітай її од мене, мій друже єдиний, та в письмі своїм напиши її адрес».

Эта просьба, сформулированная в письме от 4–5 декабря 1857 года, свидетельствует, как сильно хотелось Шевченко ускорить встречу с Репниной. Щепкин отреагировал сразу. Уже 11 декабря он писал: «Адрес К[няжны]: на Спиридоньевской улице в приходе Спиридония в доме Аксакова». Это было недалеко от жилища Щепкина. Можно было пройти по Старопименовскому переулку, пересечь Тверскую и по Ермолаевскому переулку попасть на Спиридоновскую. Или выйти на Садовую-Триумфальную и по Садовому кольцу добраться туда же. Впрочем, это была дорога с одной части города — Сретенской, в другую — Арбатскую. Шевченко, волнуясь, почти пробежал этот путь.

С Репниной Шевченко не виделся очень давно. Она писала ему ровно десять лет тому назад, 19 марта 1848 года накануне Пасхи: «Да воскреснет Христос в душе Вашей, мой добрый Тарас Григорьевич, да освятит он душу Вашу, да просияет в Вас благодать святая... Я Вам желаю так много хорошего, лучшего. — Прошу Бога, чтобы он привёл меня увидеть Вас ещё в сей жизни...»

Бог дал им возможность встретиться. Но встреча вышла холодной.

*Минули літа молодії,
Холодним вітром од надії
Уже повіяло.*

Исчезла былая искренность и непосредственность, ощущалась взаимная отчуждённость. На это обратил внимание ещё Александр Конисский: «Десятилетняя ссылка лежала между ними непреходимым препятствием!» Богдан Лепкий в свое время излагал эту встречу, как «унылую». Он писал, что княжна не надеялась увидеть такого обездоленного Шевченко. Правда, из неволи посылал поэт ей свой словесный портрет солдата лысого и опущенного, но Варвара Репнина, судя по всему, в душе сохранила Шевченко таким, каким в последний раз видела, — молодым, энергичным, темпераментным, с пылкими глазами, со лбом высоким, круглым, красивым. «Теперь явился ей преждевременный старец, с длинными, седыми усами, с лысой головой, с морщинами под уставшими глазами. Душой остался поэт таким, каким и был, вечно молодым, быстрым к ласке и гневу, чувствительным на добро и красоту, на горе и несправедливость, но его телесный образ изменился до неузнаваемости».

Российский журналист Николай Ашешов, который в разгар гражданской войны в России издал в Петербурге брошюру о Тарасе Шевченко, писал: «Свидание было холодным: десять лет ссылки, а, возможно, и новые общественные настроения разделили эти две души, когда-то родные...»

Ещё один лапидарный комментарий к этой встрече находим в академических «Примечаниях» к московскому изданию «Дневника» Шевченко в 1931 г.: «Встреча Шевченко с Репниной во время его проезда через Москву в 1858 г. не оживила их отношений, загубленных длинным рядом лет каторжной жизни Шевченко». По словам Павла Зайцева, «встреча старых друзей состоялась не в той атмосфере, какую каждый из них, наверное, представлял себе, думая о такой возможности: они не сумели найти ни соответствующего тона, ни соответствующих слов».

Только через четверть столетия в письме к Федору Лазаревскому Репнина написала: «По возвращении из ссылки я его (Шевченко) видела два раза, и он на меня сделал грустное впечатление; я виню себя, что не переписывалась с ним, когда он был в Петербурге». Но ведь действительно глубокие, душевные, тёплые отношения не зависят от внешнего вида и состояния здоровья приятеля или друга. Никто, кроме Репниной, не оттолкнул в Москве Шевченко. И ещё напомним, что через месяц после встречи с Репниной, в апреле 1858 года исстрадав-

шимся поэтом искренне восхищалась юная Екатерина Юнге: «Кроме симпатии, которую возбуждали его горькая доля, его поэтическая натура, нельзя было не полюбить этого человека за незлобивое сердце, за почти беспомощную доверчивость... Какой Шевченко милый, как я люблю его!.. Я Шевченку с каждым днём больше люблю...» Значит, было за что любить беззащитного украинского гения.

После встречи с Репниной в дневнике Шевченко появилась иронически-горькая запись: «Она счастливо переменялась, потолстела и как будто помолодела. И вдарилась в ханжество, чего я прежде не замечал. Не встретила ли она в Москве хорошего исповедника?».

*...Сном лукавим розійшлось,
Слізьми-водою розлилось
Колишнєє святеє диво!*

Начиная с Михаила Чалого, долго считалось, что Репнина «своими высоконравственными и глубоко религиозными посланиями старалась направить его на истинный путь, с которого его часто сводили полтавские и черниговские кутилы». На самом деле эти наставления всегда вызывали у Шевченко внутренний протест, тем более после тяжёлых лет ссылки. У Мариетты Шагинян читаем: «Когда, после ссылки, он снова встретился с княжной в Москве и над ним, ещё, в сущности, не старым, тяжкий опыт десяти лет прошёл, как буря над лесом, превратив его в больного, облысевшего старика, а ее, уже старуху, „счастливо переменял“, округлил и омолодил, Шевченко коротко записал в своем дневнике 17 марта 1858 года:

„Не встретила ли она в Москве хорошего исповедника?“

Молитвы и подавленные страсти; мировоззрение, выросшее на отказе, нетерпимое к себе и другим, но овеянное дымкой большой поэзии действительно прекрасной и доброй души, — таков был новый друг Шевченко, встреченный им в Яготине и тотчас же страстно его полюбивший. Между этим другом и воздухом беспечной Мосевки была целая пропасть. Яготин и Мосевка исключали друг друга, тут была антипатия глубже человеческой, — антагонизм двух эпох, двух разных мировоззрений».

Если не рассматривать эти два мировоззрения исключительно в классовом понимании, то можно сказать, что Шагинян довольно точно указала на давние истоки холодной московской встречи Шевченко и Репниной.

Варвара Репнина пережила Тараса Шевченко на три десятилетия и в конце жизни, как свидетельствуют архивные документы, наверное, осознала, что в длинной череде лет не было ничего светлее и ярче, нежели встреча с гениальным Шевченко. Очевидно, что Репнина берегла память о поэте. Скажем, в письмах к его биографу Михаилу Чалому в 1882–1883 гг. она беспокоилась о сохранении могилы Шевченко и сооружении на ней достойного креста: «Коли Бог даст поправить могилу и водрузить гранитный крест» [Отдел рукописных... ф. 92, № 47, л. 1–2].

18 марта 1858 года поэт сделал уже сам очень важный визит — к Осипу Бодянскому. О том, как сильно и искренне поэт стремился встретиться с другом, свидетельствует письмо Максимовича к Бодянскому от 13 марта, написанное после посещения им Шевченко: «Тарас — у М.С. Щепкина уже другой день; вчера был я у него; он за нездоровьем не может ещё нигде быть дня два-три, а между тем жаждет Вас увидеть. Отведайте его поскорее, возлюбленный земляче!»

Бодянский, который также болел, не мог этого сделать, и Шевченко, в первый же день после болезни, сам навестил его: «Вечером был у О.М. Бодянского. Наговорились досыта о славянах вообще и о земляках в особенности, и тем заключил свой первый выход из квартиры».

Говорить было о чём. Как раз в марте — 11 числа — газета «Литературный отдел Московских ведомостей 1858 года» в очередной раз сообщала:

«В книжной лавке Императорского Московского университета на Страстном бульваре, в доме Университетской типографии продаётся: „О времени происхождения славянских письмен, сочинение О. Бодянского, с атласом, состоящим из 19 снимков. М., 1855; цена 2 руб. с пересылкой 2 руб. 75 коп.“».

Конечно, в разговоре «о славянах вообще» они затронули эту книгу, вышедшую в Москве в 1855 г. В декабре 1857 года, когда Шевченко находился в Нижнем Новгороде. Бодянский передал её поэту. Записал у себя скрупулёзно: «“О времени происхождения славянских письмен“, — Т.Г. Шевченку, в Нижнем (через Варенцова)». Шевченко в свою очередь отметил в дневнике: «Из Москвы Варенцов (Варенцов А. П. — директор Нижегородского ярмарочного театра. — В. М.) привёз мне поклон от Щепкина, а от Бодянского поклон и дорогой подарок, его книгу „О времени происхождения славянских письмен“ с образчиками древнего славянского шрифта. Сердечно благодарен Осипу Максимовичу за его бесценный подарок. Эта книга удивительно как пополнила современную нашу историческую литературу».

Высокая и щедрая оценка работы Бодянского, который, кстати, с 1854 г. уже был членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Тем более, что речь шла о публикации отдельным изданием его докторской диссертации, подобного фундаментального труда у Бодянского больше не было. Напомню, что эта работа Бодянского находилась среди книг, которые остались после смерти Шевченко в его личной библиотеке.

Между прочим, украинский поэт очень тонко почувствовал то, что говорили известные слависты об этой книге, а именно: «Заглавие её далеко не выражает всего богатства содержания: это огромный сборник всякого рода историко-литературных и палеографических заметок и исследований по различным вопросам...» Более того, Шевченко воспринял монографию Бодянского как явление «исторической литературы».

Хотя Бодянский был избран членом-корреспондентом Академии наук в области «русского языка и словесности», прежде всего он был историком. Среди близких Шевченко знакомых Бодянский был единственным, кого удостоили высокого научного звания при жизни поэта. Михаил Максимович стал членом-корреспондентом только в 1871 г.

Очевидно, что во время разговора с Бодянским Шевченко узнал от него о работе вместе с братом Федором Бодянским над сборником украинских народных песен, ибо рассказывал об этом в Петербурге. Александр Лазаревский в письме к Осипу Бодянскому писал: «Особенно порадовались, что наконец знаменитый Ваш сборник увидит свет; восточку эту привёз сюда пан Шевченко».

Где жил в 1858 г. Осип Бодянский? В Газетном переулке, в доме Игнатьева (не сохранился). Недалеко от дома Бодянского находилась церковь Успения Божьей Матери, которая сохранилась (Газетный переулок, 15).

В марте 1858 года Шевченко встречался с Бодянским один раз и наедине. В оставшуюся неделю пребывания поэта в Москве — больше не судилось. Очевидно, потому, что времени попросту не хватило для следующей встречи. Но и потому, что Бодянский не был особенно близок к окружению Щепкина, не входил он и в учёно-литературный круг западников. Однако значение той вечерней встречи трудно переоценить.

Никто другой, даже Максимович, не был заряжен украинским духом, так, как Бодянский. Если у Станкевичей Шевченко мог «весело поболтать о Малороссии», а в семействе Аксаковых ему приятно было ощутить «непритворно сердечное сочувствие Малороссии», то только у Бодянского поэт мог «наговориться досыта о славянах вообще и о земляках в особенности».

«Кремль оригинально прекрасен»

В десять часов утра 19 марта 1858 года Шевченко и Щепкин вышли из дома вместе. Было тепло, тихо и облачно. Михаил Семенович рукой показал направление их экскурсии, и

Тарас Григорьевич послушно последовал за ним. Как вспоминал Александр Афанасьев, артист «неотступно сопровождал его по Москве». Татьяна Щепкина-Куперник, которая собирала сведения о том, как артист опекал поэта, писала: «Щепкин вызвался показать ему Москву. В то время „великим постом“ спектаклей в театрах не было, и он был свободен. С утра они выходили из дома. Две характерные фигуры: маленький, круглый, светло улыбающийся Щепкин, которого почти все прохожие узнавали и приветствовали (даже извозчики, величавшие его по имени-отчеству), кто поклоном, кто улыбкой, и суровый, с густыми бровями Шевченко в смушковой шапке и смазных сапогах». Несмотря на грязь под ногами, в тот день они, по словам Шевченко, «обходили пешком по крайней мере четверть Москвы».

Начали с того, что Михаил Семенович повёл своего друга в Кремль.

О своих впечатлениях Шевченко записал в дневнике: «Я не видал Кремля с 1845 года. Казармовидный дворец его много обезобразил, но он всё-таки оригинально прекрасен». Интересно, что шевченковские характеристики этого творения Константина Тона совпадают с оценками известного российского искусствоведа и критика Владимира Стасова, который писал: «Новый дворец в Кремле, тоже многомиллионная затрата, принадлежит совершенно одному пошибу с храмом Спаса: множество богатств, внешнемеханическое повторение некоторых народных сторон — а никакого истинного чувства русской национальной архитектуры, никакого истинного таланта». В дореволюционном путеводителе «По Москве», вышедшем под редакцией профессора Николая Гейнике, Кремлевский дворец также назван казармой, способной поразить лишь малокультурного обывателя. В советские времена москвовед Олег Волков категорически заявлял: «В Кремле были осуществлены казарменно-помпезные затеи Николая I, руками безвкусного архитектора К.А. Тона исказившего тот поистине сказочный облик кремлёвских ансамблей, о которых даёт представление скупой иконографический материал. Уже свидетели постройки Большого Кремлёвского дворца с негодованием писали о варварском разрушении палат и хором московских царей, стоявших на его месте».

Так что Шевченко, высоко ценя древний Кремль, один из первых предвидел отрицательные характеристики архитектурного сооружения Тона на кремлёвской территории. Тарас Григорьевич, как художник, был абсолютно свободен в своих предпочтениях и оценках, как в Москве, так и в Киеве. Например, весьма строго относился Шевченко к зданию Института благородных девиц архитектора Викентия Беретти на улице Институтской в Киеве. В письме к художнику Николаю Осипову 20 мая 1856 года писал: «Казармы, да ещё казармы самые неуклюжие, а местность — самая восхитительная, и так бесчеловечно обезобразена...» Шевченко не любил грандиозные сооружения, напоминавшие ему казармы.

Впрочем, оценка Кремлёвского дворца, кажется, в вину поэту не ставилась. Иное дело — его впечатления от храма Христа Спасителя, строительство которого Шевченко созерцал вместе со Щепкиным с высоты кремлёвского холма 19 марта. В дневнике записал:

«Храм Спаса вообще, а главный купол в особенности безобразен. Крайне неудачное громадное произведение. Точно толстая купчиха в золотом повойнике остановилась напоказ среди белокаменной». На следующий день — 20 марта — Шевченко один пришёл уже к самому храму: «Полюбовавшись старым красавцем Кремлём, прошёл я к юному некрасавцу Спасу с целью посмотреть скульптурные работы. Но меня и на двор не пустили. „Не приказано“, — сказал сторож. Я ему не противоречил и возвратился в Кремль».

Итак, набожный Шевченко не воспринял архитектуру и эстетику храма Христа Спасителя, который тогда уже почти двадцать лет строился по проекту Константина Тона. Нужно помнить, что храм Христа Спасителя возводился как храм-памятник, посвящённый Отечественной войне 1812 г. Он поражал своей высотой (свыше 100 м), грандиозными масштабами и богатством не только внутреннего убранства и утвари, чего Шевченко не видел, но и внешней пышностью.

Раньше вообще не возникал вопрос, видел ли Шевченко строительство храма во время своих первых приездов в Москву в 1844–1845 гг. На мой взгляд, скорее да, чем нет. Напомню,

что 7 июля 1857 года поэт записал в дневнике: «Видел сегодня во сне Москву, не встретил никого знакомых и храма Спаса не видал». Ясно, что храм Христа Спасителя был уже для Шевченко знаковой московской реальностью. Впрочем, в начале 2009 года Борис Олийнык в разговоре со мной трактовал запись поэта совершенно неожиданно: сон Шевченко был пророческим, он увидел во сне Москву, которая... уже потеряла в 1931 г. храм Христа Спасителя.

Что же мог видеть воочию Шевченко в первые свои приезды в Москву, то есть, в середине 40-х гг. XIX века? Известно, что в 1839–1853 гг. возводились кирпичные стены бань, осуществлялась наружная облицовка. В 1846 г. появился свод главного купола. Ко времени экскурсии Шевченко к храму в 1858 г. уже были установлены металлические части крыши и куполов и построены леса внутри — проводились штукатурные и облицовочные работы внутренних стен и пола. Скульптурные работы на внешних стенах храма велись с 1846 по 1863 гг., и на момент московского пребывания Шевченко были в разгаре. Их исполняли известные мастера: Александр Логановский, Петр Клодт, Николай Рамазанов. Именно интерес к творческой работе российских скульпторов привёл поэта на строительство храма: «О, как бы мне хотелось взглянуть на эти колоссальные работы!»

Между прочим, открою то, что мало кому известно в Украине и в Москве. Сегодня можно вблизи посмотреть оригинальные «колоссальные работы», столь интересные для Шевченко! Думаете на нынешнем, нововозведённом храме Христа Спасителя? Нет! Его стены теперь украшены бронзовыми скульптурами, а не мраморными, к которым и стремился поэт. Современные москвоведы жёстко пишут: «За всю историю русского церковного зодчества нельзя найти хотя бы один пример, когда металл, скульптурные изделия из бронзы использовались бы в наружной отделке церквей, храмов, соборов. Только резные белокаменные или, как в случае с храмом Христа Спасителя, беломраморные детали украшали их стены... Единственное логическое объяснение этой странной подмены напрашивается само собой — скульптор Церетели не работает в камне. Круглые барельефы... в последний момент (когда часть из них уже была изготовлена в мраморе) тоже были заменены, но даже не на бронзу, а на отливки из специального пластика» [От Пречистенских... 2012: 39–40].

Итак, подлинные горельефы, снятые с храма Христа Спасителя перед его уничтожением, украшают сегодня стены Донского монастыря. Скажем, вы можете вблизи рассмотреть мраморный горельеф «Воин Георгий», исполненный Шевченковым знакомым Николаем Рамазановым в 1847–1849 гг.

Поэту не удалось увидеть скульптурные работы вблизи, но нет сомнения, что ему не понравились огромные размеры и ритуальная холодность храма Христа Спасителя, который подавлял старинную белокаменную Москву, возвысившись на месте бывшего Алексеевского монастыря. Особенно раздражал его главный купол, напоминавший золотой повойник на голове купчихи — повязку, которую издавна одевали женщины под платок.

Впрочем, не следует забывать, что в то время храм стоял в лесах, которые вскоре были сняты частично, когда «храм был закончен вчерне», а окончательно — в 1859–1860 гг. Однако храм ещё будут строить и украшать в течение четверти века после посещения Шевченко. По крайней мере, в том виде, в котором его застал поэт, храм значительно проигрывал предстоящему завершённому сооружению.

Можно было бы на этом и точку поставить, но прочитал у москвоведов Льва Колодного назидание Тарасу Шевченко, который посмел «метнуть стрелу в голову нового кафедрального собора»: «Сравнивать Храм надо не с купчихой, а со строем богатырей в золочённых шлемах, или с крепостью из пяти башен».

Стоит ли столь однозначно жёстко поучать Шевченко за строки, написанные, между прочим, в дневнике? Тем более, что, скажем, современный москвовед Алексей Митрофанов вполне разделяет его точку зрения и даже назвал одну главу в своей книге о старой Москве словами Шевченко: «Купчиха в повойнике». В этой книге Митрофанова читаем: «Если не брать во внимание размеры и другие количественные характеристики храма Христа Спасите-

ля, получается, что он ничем особенным не примечателен. Более того, не слишком удачный. Большая фигура — но дура». Авторы современной книги о ста крупнейших храмах в мире М. Губарев и А. Низовский пишут: «Здание поражает своими огромными размерами, но во все не богатством замысла. В храме Христа Спасителя древнерусские формы, заимствованные из зданий небольшого размера, увеличены в несколько раз, что привело к их утяжелению и немасштабности всего сооружения». Не секрет, что шевченковская характеристика храма Христа Спасителя полностью созвучна и с авторитетными оценками известных дореволюционных российских знатоков.

«Пустились мы Москве созерцать»

21 марта 1858 г. Шевченко записал в дневнике:

«В 10 часов утра не пешком, а в пролётке пустились мы с Михайлом Семеновичем Москву созерцать. По дороге заехали к сыну его Николаю. Выпили по стакану чаю и потягли далее. Заехали также по дороге к Кетчеру, встретили там Бабста. Кетчер подарил мне все издания своей компании, кроме своего перевода Шекспира, — он ещё в типографии. А Бабст подарил свою речь о умножении народного капитала, издание той же компании. Выпили у Кетчера по рюмке сливянки (у Владимира Даля: «Сливянка, сливяная, наливка, вино, водка, настоянная на сливах». — В. М.) и поехали к Якушкину. Хозяина не застали дома, а милейшая хозяйка подарила нам по экземпляру портрета кн. Волконского, декабриста, и мы раскланялись...»

Итак, сначала — к Николаю Щепкину, который недалеко имел собственный дом (не сохранился) в Мещанской части на Троицкой улице (название от храма Живоначальной Троицы, известного с XVI столетия). Николай Щепкин жил здесь уже десять лет, с 1848 г.

От Николая Щепкина друзья поехали на 3-ю Мещанскую, где жил Николай Кетчер, который в московской адресной книге за 1858 г. Кетчер числился за «Медицинской конторой» (современный адрес — улица Щепкина, 44). Михаил Семенович рассказал, как пять лет назад друзья решили купить Кетчеру жилье. Создали специальный комитет, в который вошли Тимофей Грановский, доктор медицины, профессор Московского университета Павел Пикулин, его сын Николай Щепкин. Собрали деньги среди московских друзей, немалую сумму — тысячу рублей — дал Кузьма Солдатёнков, свой вклад сделал Иван Тургенев... Выбрали этот уютный домик с садом на тихой, зеленой Мещанской, и 1854 г. Кетчер с друзьями уже встречал в нем. Щепкин признался Шевченко, что и сам хотел бы жить здесь, рядом с другом.

Действительно, в 1859 г. семья Щепкина поселилась напротив Кетчера (теперь — улица Щепкина, 47, здесь находится Дом-музей М. С. Щепкина). Дом Кетчера стоял недалеко от церкви Филиппа Митрополита — самой известной в Москве в честь этого святителя. Церковь находилась на 2-й Мещанской улице. Она была сооружена в 1777–1788 гг. архитектором Матвеем Казаковым в стиле раннего классицизма. По мнению академика Игоря Грабаря, автором проекта этой церкви был сам Василий Баженов. Закрыта в 1929 г., возвращена Российской православной церкви в 1991 г. Церковь и теперь сохраняет духовную ауру в местности, которая немилосердно застроена современными сооружениями-монстрами. Церковь Филиппа Митрополита была ближайшей и для Михаила Щепкина. Именно в ней отпевали великого артиста в августе 1863 года.

Иван Бабст также жил на 3-й Мещанской улице, рядом с церковью Филиппа Митрополита и домом Николая Кетчера, вот почему Шевченко застал у него Бабста.

О Николае Христофоровиче Кетчере (1809–1886), враче по специальности и писателе Шевченко знал ещё в ссылке, прежде всего, как о переводчике Шекспира. Пьесы последнего в переводе Кетчера выходили из печати в Москве отдельными изданиями с 1841 по 1850 гг. Шевченко тогда заинтересовался ими, использовал в своей работе над иллюстрациями к «Короллю Лиру» в 1843 г. В ссылке поэт просил друзей прислать ему произведения Шекспира в

переводе Кетчера. Например, 11 декабря 1847 года писал Андрею Лизогубу: «Если найдёте в Одессе Шекспира, перевод Кетчера... то пришлите...» Лизогуб оперативно выполнил просьбу поэта и сообщил ему 7 февраля 1848 года, что послал из Одессы в Орскую крепость все 13 выпусков переводов Кетчера, оправленных для удобства в две книги. К сожалению, этот драгоценный для Шевченко подарок был отобран у него во время ареста в 1850 году. Впрочем, Никита Савичев, который встречался с Шевченко в ссылке в мае 1854 года вспоминал: «...Я взял на полке одну из книг. Это были исторические драмы Шекспира в переводе Кетчера». Уже находясь в Нижнем Новгороде, поэт просил Михаила Лазаревского в письме от 20 января 1858 года: «А ты, мой друже единственный, купи мне Шекспира, перевод Кетчера...»

Такой интерес Шевченко к переводам Кетчера позволяет уверенно утверждать, что встреча с ним была для поэта приятной неожиданностью. Шевченко запомнил Кетчера таким, каким его описал Александр Герцен: высокий ростом, с волосами странно разбросанными, без всякого единства причёски, в очках, с лицом, напоминающим французского революционера Марата, с грустно-печальным выражением глаз... Встреча с Кетчером была непродолжительной, но пронизательный Шевченко почувствовал, как важен он в кругу «просвещённых москвичей».

В 50-х — начале 60-х гг., когда Щепкин и Кетчер жили рядом, врач-переводчик и артист встречались часто. Кетчер, говорят, переходил улицу к другу в туфлях и халате. Александр Герцен вспоминал в «Былом и думах»: «Кетчер был домашним человеком в доме Щепкина. Он, впрочем, имел свойство делаться домашним человеком всюду, куда ни появлялся». Но именно у Щепкина Кетчер, как, впрочем, и Шевченко, находил «светлую, покойную гавань... всегда встречал его добродушный смех и дружеский приём...» Между прочим, Герцен посвятил Кетчеру немало страниц, интересный и тёплый портрет друга нарисован им в отдельном разделе, названном «Н.Х. Кетчер». Татьяна Щепкина-Куперник писала: «Кетчер жил напротив, в маленьком домишке, подаренном ему в складчину друзьями, знавшими его страсть к садоводству. Слышались там сказки «деда-сказочника» Афанасьева (жил на 2-й Мещанской улице. — В. М.), знаменитого собирателя русского фольклора. Или чтение Д. Мина, переводчика Данте и в то же время домашнего доктора Щепкина... Или украинские стихи Шевченко и вслед за ними такие горячие речи, что обеспокоенный будочник заглядывал через забор...» Николай Кетчер любил своих друзей, по словам Бориса Чичерина, он «под резкими формами и суровой наружностью скрывал золотое сердце, неуклонное прямодушие и беспредельную преданность своим друзьям». Особо прочная и искренняя дружба связывала Кетчера с Михаилом Щепкиным и Тимофеем Грановским, он надолго пережил их и завещал похоронить себя между могилами Щепкина и Грановского на Пятницком кладбище. Тот же Чичерин свидетельствовал: «Друзьям своим он остался верен до гроба; они составляли единственное утешение его старости». К большому сожалению, при этом он не вспоминал Щепкина, могила которого находится рядом с могилой Кетчера.

Кетчер подарил Шевченко книги издательства «К. Солдатенков и М. Щепкин», в деятельности которого принимал организационно-редакторское участие. После смерти Шевченко остались подаренные ему тогда «Сочинения Т.Н. Грановского» (М., 1856); «Стихотворения Н. Огарева» (М., 1856); «Стихотворения А. Полежаева» (М., 1858) и др. Какие имена! Как удивительно созвучен с Шевченко был этот подарок!

К сожалению, Шевченко снова не повезло с Кетчеровыми переводами Шекспира. Второе издание собраний «Драматические сочинения В. Шекспира. Перевод с английского Н. Кетчера...» ещё находилось в типографии.

Теперь об экономисте Иване Кондратьевиче Бабсте (1823–1881). В студенческие годы он жил в семье Щепкина и преподавал его сынам древние языки и с того времени поддерживал дружеские отношения с семьёй Щепкиных.

От Бабста Шевченко получил в подарок его работу «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь, произнесённая 6 июня 1856 г. в торжественном

собрании императорского Казанского университета» (М., 1857). Эта речь профессора Казанского университета привлекла общественное внимание, в ней Бабст особенно выразительно показал себя пылким и убеждённым сторонником реформ. Он отстаивал ликвидацию сословных привилегий и идею просвещения широких народных масс. Большой резонанс вокруг речи учёного способствовал тому, что Бабст был избран на кафедру политической экономии Московского университета. Уже в Москве в ноябре 1857 года Бабст произнёс речь, в которой страстно и убедительно говорил о значении свободного труда в условиях свободного общества.

В академической биографии Шевченко (1984 г.) о Кетчере и Бабсте говорилось: «Это были деятели, которые сочувствовали подъёму демократического движения, искренне стремились послужить ему своей работой. Они и к Шевченко относились с сердечной доброжелательностью».

...Далее поэт и артист поехали к Евгению Якушкину, с которым Шевченко недавно познакомился.

Таким образом, на 3-й Мещанской жила целая колония интеллектуалов, в том числе настроенных оппозиционно к власти. Скажем, Кетчер и Якушкин числились в документе, составленном как раз в 1858 г. по личному указанию царя — «Список подозрительных лиц в Москве». Тайная полиция докладывала, что в доме на 3-й Мещанской у Кетчера «проходят сборища с недобрыми замыслами». Как в Воротниковском переулке, так и на 3-й Мещанской улице, полиция следила и за семьёй Щепкина, который вместе со своим сыном Николаем Михайловичем также входил в «почётный» список подозрительных москвичей из 30 лиц. О Михаиле Щепкине в нем говорилось: «Желает переворотов и на все готовый». О «временном купце, книгопродавце» Николае Щепкине было записано, что он «действует одинаково с отцом». Очевидно, что никаких переворотов отец и сын не готовили, но оценки полиции сами по себе интересны и показательны.

У Якушкина двух друзей — Шевченко и Щепкина — встретила его молодая жена Елена Густавовна (девичья фамилия — Кнорринг), верная помощница, жившая широкими гуманитарными интересами мужа. Портрет князя Сергея Волконского был одним из литографированных портретов, изданных Евгением Якушкиным. Эти портреты не продавались, они распространялись между людьми, которые пользовались доверием хозяев. Подарок вызвал у Шевченко живой интерес и как будто предвещал его скорую встречу и знакомство с самим Волконским.

Куда же дальше подались Щепкин и Шевченко? Они выехали с 3-й Мещанской на Садовую и направились... Впрочем читаем у Шевченко:

«... Мы раскланялись и поехали к Красным воротам, к Забелину. Это молодой ещё человек, самой симпатической кроткой физиономии, обитающий не в квартире, а в библиотеке. Он не совсем здоров, и я не решился просить его показать мне Оружейную палату, где он служит помощником Вельтмана».

Десять лет назад вышли в свет дневники и записные книжки Забелина, но в 1858 г. он сделал только одну запись как раз незадолго до встречи с Шевченко: «С 17 на 18 января, с пятницы на субботу заболел сильно и опасно воспалением лёгких и теперь 10 февраля ещё не схожу с постели» [Забелин 2001: 37,42,56,269]. Не совсем здоров был Забелин и во время встречи с Шевченко, что поэт увидел и отметил в дневнике. Обращает на себя внимание тактичность Шевченко: он не осмелился беспокоить Забелина, хотя надеялся вместе с ним посмотреть Оружейную палату построенную в 1849–1851 гг., когда Шевченко находился в ссылке. Впрочем, Забелин работал в Оружейной палате значительно раньше — в 1837–1852 гг.

От Забелина Щепкин и Шевченко поехали по Мясницкой на Большую Лубянку в книжный магазин Николая Щепкина, и здесь поэт расстался со своим чичероне. Скорее всего, произошло это потому, что Тарас Григорьевич решил вечером зайти к Максимовичам, а у

Щепкина были свои планы. Напомню запись Шевченко в дневнике 21 марта: «Вечер провёл у своей милой землячки М.В. Максимович».

Рассказав об этом в дневнике, Шевченко сразу написал такие слова:

«Грешно роптать мне на судьбу, что она затормозила мой поезд в Питер. В продолжение недели я здесь встретился и познакомился с такими людьми, с какими в продолжение многих лет не удалось бы встретиться. Итак, нет худа без добра».

Важное признание Шевченко!

«Я встретился и познакомился с ними»

На Пасху — 23 марта 1858 года — Шевченко проснулся в девять утра. «Христос воскрес!» — так начиналась запись в дневнике. А дальше — иронические строки:

«В семействе Михайла Семеновича торжественного обряда и урочного часа для разговен не установлено. Кому когда угодно. Республика. Хуже, анархия! Ещё хуже, кощунство! Отвергнуть веками освящённый обычай обжираться и опиваться с восходом солнца. Это просто поругание святыни!»

Действительно, семья Щепкиных жила по обычному распорядку дня. Михаил Семенович, как свидетельствовал Александр Афанасьев, говорил: «По-моему, вся религия состоит в этих правилах: люби Бога, люби ближнего и никому не делай зла! А все прочие обряды, посты — установление случайное».

На следующий день начиналась светлая пасхальная седмица, и Шевченко ещё целых два дня провёл в Москве. Щепкин сделал так, что они были полностью наполнены встречами и знакомствами.

24 марта после второго посещения Сергея Аксакова и его «симпатического семейства» Шевченко и Щепкин заехали ненадолго к Варваре Репниной, а от нее — к актёру Сергею Шумскому, ученику Михаила Щепкина.

Сергей Шумский, который жил на Большой Дмитровке в доме генерал-майорши Ольги Бартоломеус (№ 26), принял гостей радушно, пригласил к столу: «Вкусили священной пасхи с вестфальской колбасой и поехали к Станкевичам. Не застали дома».

О дальнейшем развитии событий читаем у Шевченко:

«Отправились в книжный магазин Н.М. Щепкина и ком., где и остались обедать. Обед был званый. Николай Михайлович праздновал новоселье своего магазина и по этому случаю задал пир московской учено-литературной знаменитости. И что это за очаровательная знаменитость! Молодая, живая, увлекающаяся, свободная! Здесь я встретил Бабста, Чичерина, Кетчера, Мина, Кронеберга-сына, Афанасьева, Станкевича, Корша, Крузе и многих других. Я встретился и познакомился с ними, как с давно знакомыми родными людьми. И за всю эту полную радость обязан я моему знаменитому другу М.С. Щепкину».

Искренняя радость Шевченко от встречи с молодыми и блестящими интеллектуалами в самом деле была настолько полной, что даже сейчас энергетически передаётся заинтересованному читателю его дневника. Все они были полны сил, энергии, упорства; мыслили и говорили, тем более в своем кругу, раскованно, глубоко, критически, интересно; пульсировали творческими идеями и планами на будущее. О них можно сказать словами Герцена: «Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде, ни на высших вершинах политического мира, ни на последних маковках литературного и аристократического».

Поражает сам перечень профессий и увлечений, творческих сфер и занятий, в которых эти люди были настоящими специалистами и достигли значительных высот: поэзия и литература, журналистика и публицистика, переводческое дело и правоведение, медицина, экономика, история, философия, фольклористика, зоология. Блестящий ряд энергичных деятелей, которые сочувствовали подъёму демократического движения в России и искренне стремились

прислужиться ему своей работой. Такой энергетический сгусток интеллектуальных сил и возможностей Шевченко воспринял с радостью и восторгом, он впитывал в себя творческую атмосферу, о которой в ссылке только мечтал, наслаждался общением с людьми, которыми был очарован. Шевченко искренне назвал их молодыми, живыми, свободными, страстными. Поэт ощущал себя, как рыба в воде, в этом изысканном кругу людей, которые показались ему близкими духом, и даже знакомыми, более того, родными.

Шевченко сам свидетельствовал, что, кроме названных в дневнике участников «званного обеда», в книжном магазине Николая Щепкина, он встретил ещё «многих других» интеллектуалов.

Скажем, там могли также быть активные авторы журнала «Библиографические записки», контора и редакция которого находились в том же доме — профессор Московского университета Сергей Соловьев, историк литературы Михаил Лонгинов, двадцатилетний профессор Московского университета, историк литературы Николай Тихонравов, который через три года — в апреле 1861 года — принял участие в панихиде над прахом Шевченко в Москве. В пользу этой версии говорит и то, что Николай Щепкин был одним из издателей «Библиографический записок», а второй издатель — историк, фольклорист, литературовед Александр Афанасьев, которого Шевченко уже знал, назван им в дневнике.

Возможно, в «званом обеде» также приняли участие владельцы московских книжных магазинов. В марте в Москве, кроме магазина Щепкина, работало ещё шесть крупных книжных магазинов: Университетский (при Университетской типографии, начальником которой был Александр Назимов), а также — Базунова, Полевого, Улитина, Салаева и Готье. Леонид Большаков в свое время высказал предположение, что там мог быть участник московских кружков, доктор медицины и профессор Московского университета, корреспондент и знакомый Герцена Павел Пикулин. Он был другом Николая Кетчера и Николая Щепкина, поэтому его присутствие в магазине было вполне мотивированным.

Наконец, скажу о том, что в этот день благодарный Тарас Григорьевич подарил Николаю Щепкину свой автопортрет (1858) с дарственной надписью «Николаю Михайловичу Щепкину на память 24 марта 1858 года. Тарас Шевченко».

24 марта 1858 года Шевченко сделал ещё одну запись в дневнике:

«В 8 часов вечера отправились к купцу Варенцову, музыканту и любителю искусств. Тут встретился я с некоторыми московскими художниками и музыкантами и, послушавши Моцарта, Бетговена и других великих представителей слышимой гармонии, в 11 часов удалился восвояси, дивясь бывшему».

Эти два слова — «дивясь бывшему» — свидетельствуют о том, что вечер у Варенцова поэту понравился. Однако, запись в дневнике никак нельзя трактовать как свидетельство того, что Шевченко проводил время в Москве, «посещая концерты популярных московских музыкантов и актёров» (П. Федченко). В самом деле, день 24 марта был насыщен, в особенности запомнилась встреча с Аксаковым и «званный обед» в книжном магазине. Да и прослушивание произведений Бетховена и Моцарта, было для поэта неожиданным и радостным, но лишь единичным случаем.

В «Комментариях» к 5-му тому Полного собрания сочинений Шевченко указано, что Николай Варенцов — московский купец и меценат — жил в доме Четверикова в Басманной части города. Конечно, мне хотелось уточнить этот адрес. Поиски домовладельца Четверикова не прояснили ситуацию, ибо в Басманной части было два Четверикова — Дмитрий и Иван, которые владели домами в Вознесенском, Денисовском, Сусальниковом и Сыромятниковском переулках. Но, в конце концов, удалось найти нужный и точный адрес именно того времени, когда у купца был Шевченко: «Варенцовы Николай и Сергей Мих., Поч. Гражд., на Новой Басманной, соб. д.». Итак, почётные граждане, братья Варенцовы имели собственный дом на Новой Басманной улице.

«Справочная книга о лицах, получивших на 1872 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве» содержит сведения о том, что ко времени знакомства с Шевченко Николаю Варенцову было около сорока лет, он происходил из старинного купеческого рода, с 1869 г. был купцом 1-й гильдии и выборным от московского купечества, занимался торговлей шерстяной пряжей, контора находилась в Козмодемьянском переулке на Покровке. Братья в начале 70-х гг. жили там же на Новой Басманной улице, но теперь уже в разных домах. Очевидно, в 1858 г. Николай Варенцов ещё не отпускал от себя Сергея Варенцова, который был на шестнадцать лет моложе.

Фамилии московских художников и музыкантов, которых встретил Шевченко у Варенцова, не установлены.

«Семейство Аксаковых сочувствует Малороссии»

О творчестве и тяжёлой судьбе Шевченко в семье Аксакова знали задолго до личного знакомства с поэтом от их друзей Михаила Щепкина, Михаила Максимовича, Осипа Бодянского. Однако прямые отклики Аксаковых на арест и ссылку поэта неизвестны: зная, что письма перлюстрируются, они не отваживались вспоминать в них его имя. Даже в 1856 г., после смерти Николая I, дочь Сергея Аксакова Вера, посылая список стихотворения, написанного Шевченко в Кос-Арале, не называла имени поэта, но писала в восторженном тоне: «Он бедный изгнанник. Он истинный поэт, мы недавно читали большое стихотворение, вроде поэмы, исполненное поэтических красот. Он и рисует прекрасно».

Со своей стороны, Шевченко ещё в ссылке высоко оценил творчество Сергея Аксакова, это видно из его записи в дневнике от 13 августа 1857 года: «Первая книжка „Русского вестника“ за 1856 год попала мне в руки. Оглавление мне понравилось. Там были выставлены имена Гоголя, Соловьева, Аксакова — имена хорошо известные в нашей литературе».

Непосредственные отношения, сначала заочные, между писателями завязываются в декабре 1857 года, когда Сергей Аксаков послал Шевченко через Щепкина свою «Семейную хронику» с дарственным автографом. Это произведение, как и книга «Детские годы Багрова внука» с автографом Аксакова, остались в личной библиотеке Шевченко. Судя по всему, Щепкин рассказал поэту много хорошего о близкой ему семье Аксакова, которой был благодарен. В воспоминаниях артистки Малого театра А. Шуберт о Щепкине зафиксировано важное признание артиста: «Своим развитием, по его словам, он обязан дому Аксаковых». Очевидно, Щепкин говорил и о писательском чутье известного писателя и его добром сердце, ибо Шевченко ещё до личного знакомства просит Аксакова дать критическую оценку своей новой русскоязычной повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» и устроить ее публикацию.

Шевченко писал Аксакову 4 января 1858 года:

«Чтимый и многоуважаемый Сергей Тимофеевич!

Не нахожу слов сказать вам мою благодарность за ваш милый подарок, за ваше искреннее сердечное ко мне внимание. Я давно уже и несколько раз прочитал ваше изящнейшее произведение, но теперь я читаю его снова и читаю с таким высоким наслаждением, как самый нежный любовник читает письмо своей боготворимой милой. Благодарю вас, много и премного раз благодарю вас за это высокое сердечное наслаждение...

Послал я вам... свою „Прогулку с удовольствием и не без морали“. Вооружитесь терпением, прочтите ее, и если найдёте сию „Прогулку“ годною предать тиснению, то предайте, где найдёте приличным. Вторая часть „Прогулки“ будет прислана вам, как только покажется в печати первая».

К сожалению, первое письмо Аксакова к Шевченко в Нижний Новгород не сохранилось, однако представление о нем можно получить со слов поэта. Скажем, в дневнике 13 января он записал, что получил от Аксакова «самое любезное, самое сердечное письмо». Щеп-

кину сообщил в середине января: «... Я получил не письмо, а просто панегирик от Сергея Тимофеевича. Если бы я хоть немножко глупее был, то я угорел бы от его панегирика, а то, слава Богу выдержал. Поцелуй его, доброго, благородного, трижды за меня». А ниже в том же письме снова: «Поцелуй ещё раз Сергея Тимофеевича...» О заочном доверии Тараса Шевченко к Сергею Аксакову полнокровно свидетельствует его письмо из Нижнего Новгорода от 16 февраля 1858 года:

«Чтимый и многоуважаемый
Сергей Тимофеевич!

Ради всех святых простите мне моё грешное, но не умышленное молчание. Вы так сердечно дружески приняли мою далеко не мастерскую „Прогулку“, так сердечно, что я, прочитавши ваше дорогое мне письмо, в тот же день и час принялся за вторую и последнюю часть моей „Прогулки“. И только сегодня кончил. А как кончил? Не знаю. Судите вы меня, и судите искренно и милостиво. Я дебютирую этой вещью в великорусском слове (речь шла о том, что Шевченко хотел начать публикацию своих русскоязычных прозаических произведений, над которыми работал в ссылке. — В. М.). Но это не извинение. Дебютант должен быть проникнут своей ролью, а иначе он шарлатан. Я не шарлатан, я ученик, жаждущий дружеского, искреннего суда и совета...

Ещё раз прошу вас, мой чтимый, мой искренний друже! Простите мне моё невольное прегрешение. Не поставьте в вину мне моё долго молчание. Я хотя и представил вам причину моего тупого безмолвия, но никакая причина не извиняет невежливости. Еще раз простите и любите сердечно, глубоко полюбившего вас

Т. Шевченка».

На этом фоне состоялась 22 марта 1858 года первая встреча Шевченко с Аксаковым. Заглянем в дневник поэта, в котором передана его искренняя радость от нее:

«Радостнейший из радостных дней. Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее моё пребывание в Москве. Человек этот — Сергей Тимофеевич Аксаков. Какая прекрасная, благородная старческая наружность! Он не здоров и никого не принимает. Поехали мы с Михайлом Семеновичем сегодня поклониться его семейству. Он узнал о нашем присутствии в своем доме и, вопреки заповеди доктора, просил нас к себе. Свидание наше длилось несколько минут. Но эти несколько минут сделали меня счастливым на целый день и навсегда останутся в кругу моих самых светлых воспоминаний».

Шевченко прекрасно понимал значение Сергея Аксакова для русской литературы, высоко ценил его в ряду выдающихся имён. Как раз в 1858 г. в Москве вышла в свет автобиографическая книга Сергея Аксакова «Детские годы Багрова-внука», в которой автор поднялся на художественный уровень, установленный его великим современником Львом Толстым в автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852–1857). Прослушав в начале 1857 года «Детские годы Багрова-внука» в прочтении автора, Толстой записал в дневнике: «Чтение у С.Т. Аксакова. „Детство“ прелестно!» В этом году Аксаков писал: «С Толстым мы видаемся часто и очень дружески. Я полюбил его от души; кажется, и он нас любит». Когда в 1860 г. Шевченко взялся за написание автобиографии, он однозначно высказался в пользу такого изложения фактов в ней: «Я бы желал изложить их в такой полноте, в какой покойный С.Т. Аксаков представил свои детские и юношеские годы, — тем более, что история моей жизни составляет часть истории моей родины».

24 марта Шевченко снова обратился в дневнике, к встрече с Аксаковым: «Ещё раз виделся с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым и с его симпатическим семейством и ещё раз счастлив. Очаровательный старец! Он приглашает меня к себе в деревню на лето, и я, кажется, не устою против такого искушения. Разве попечительная полиция воспрепятствует».

На этот раз Сергей Тимофеевич чувствовал себя немного лучше, он сидел в кресле, одетый по-домашнему в подобие зипуна, и это придавало ему трогательную доступность и простоту. Измученный болезнью, старый писатель смотрел на поэта доброжелательно и ласково, и Тарас Григорьевич почувствовал, как его обволокло тёплой волной выстраданного добра и особой покорности судьбе. На глаза навернулись слезы, молнией мелькнула горькая и мучительная мысль, что видит благородного старца в последний раз...

У Шевченко сложились доброжелательные отношения с сыновьями Сергея Тимофеевича — Константином и Иваном. Он познакомился также и с дочерьми Сергея Аксакова — Верой и Надеждой. О последней записал в дневнике: «...С наслаждением слушал мои родные песни, петье Надеждой Сергеевной». В семье Аксаковых Шевченко чувствовал себя раскованно, сам пел украинские и русские песни, в частности, волжскую бурлацкую песню, услышанную, наверное, во время путешествия по Волге, что очень понравилось присутствующим. У Аксаковых была именно та атмосфера, о которой рассказывал в своих воспоминаниях Александр Афанасьев-Чужбинский: «... Любил он простоту семейного быта, и где принимали его не пышно, но искренне, он там бывал необыкновенно разговорчив, любил рассказывать смешные происшествия...» Сам Шевченко так объяснил в дневнике 25 марта комфортность своей души в этом доме: «Все семейство Аксаковых непритворно сердечно сочувствует Малороссии и её песням и вообще её поэзии».

Это было точное наблюдение поэта. В семье Аксаковых господствовало сердечное отношение к Малороссии. 26 марта 1858 года, то есть на следующий день после посещения Шевченко семьи Аксаковых, Вера Сергеевна писала в письме к своей приятельнице Марии Карташевской: «Шевченко на всех — и на отесеньку (Сергея Аксакова. — В.М.) и братьев, произвёл приятное впечатление; он умён и прост... Стихи его всегда чисты и нравственны. Он стихов не читал, но пел немного малороссийские песни, и Наденька, хотя не вдруг, но решила спеть ему некоторые; что для него значат песни, вообще малороссийская поэзия, нечего и говорить... С Шевченко можно было бы о многом разговориться, и он начинал было рассказывать, но некогда было». Через четверть столетия Иван Аксаков вспоминал о Шевченко: «Мы имели возможность узнать его довольно близко... Мы можем свидетельствовать, что ни малейшего озлобления на нас, „москалей“, Тарас Шевченко в то время не питал, восхищался, как и все мы, и притом как своими родными, мастерскими созданиями русского литературного языка...»

Накануне отъезда из Москвы поэт не мог не посетить Сергея Аксакова. Однако, встретился только с его семьёй. «... Я заехал к Сергею Тимофеевичу Аксакову с намерением проститься. Он спал, и я не имел счастья облобызать его седую прекрасную голову».

Для нас очень важно, где именно жил в то время Аксаков, который часто менял адреса. Есть несколько возможностей выяснить это. Используем сначала простейшую — возьмём информацию из письма Михаила Щепкина к Тарасу Шевченко от 6 февраля 1858 года: «Адрес Аксакова: на Тверском бульваре в доме Юсуповой близ дома оберполицмейстера». Сам Аксаков писал в декабре 1857 года Тургеневу: «Я живу на Тверском бульваре в доме княгини Юсуповой». Этого было достаточно, чтобы во времена Шевченко надёжно прислать любую корреспонденцию Аксакову. Но нам хотелось бы точнее представить, где находился дом, в который (трижды!) приезжал Шевченко. Поэтому берём «Алфавитный указатель к плану Тверской части» и в разделе «Казённые, общественные и владельческие дома» узнаем, что дом княгини Юсуповой находился «на проезде Тверского бульвара». На плане Тверской части он числился под № 191. А под № 190 находим: «Обер-полицмейстера, казённый дом, на проезде Тверского бульвара». То есть Аксаков жил на Тверском бульваре (позже — дом № 24), ближе к Страстной площади, но это было недалеко и от Арбатской площади, тем более — от арбатского ареала. От этого дома, который был построен после пожара Москвы в 1812 г., ныне остался северный флигель, который охраняется государством как памятник архитектуры.

«Строгий полицейский надзор учреждён»

Исправляющий должность московского обер-полицмейстера князь, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Кирасирского его Величества полка Алексей Иванович Кропоткин уже собирался на обед, когда сообщили, что в кассе Николаевского вокзала взял билет на поезд в Петербург поднадзорный Тарас Шевченко. В предвкушении хоть и недолгого, но с обязательной рюмкой водки застолья, не обременённого закончившимся Постом, князь не сразу воспринял остроту сложившейся ситуации. «Пусть уезжает, и без него дел хватает» — в ленивую рифму подумал Кропоткин. И вдруг его пронзило: «Предписывали следить за этим известным малороссом! Глаз не спускать! И все это — по высочайшему повелению! Но ведь его подчинённые ни разу толком не докладывали, что делал рядовой Шевченко в Москве... Бездельники и лоботрясы!»

Обер-полицмейстер Алексей Кропоткин отлично знал о предписаниях и приказах, которые сопровождали возвращение поэта и художника Шевченко из десятилетней ссылки, о деле по секретной части, заведённом на него в сентябре 1857 года в канцелярии московского военного генерал-губернатора Арсения Закревского...

Сие дело — «Рядового Оренбургского батальона Шевченко» — было найдено мною через полтора года в архиве [ЦИАМ ф. 16, оп. 47, д. 130] и воскресило эту московскую страницу биографии Тараса Григорьевича. В частности, в нём хранится сообщение из управления Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, отправленное 28 сентября 1857 года московскому военному генерал-губернатору Закревскому:

«Милостивый государь
Граф Арсений Андреевич!

По высочайшему повелению, объявленному Военным министром Оренбургскому и Самарскому Генерал-Губернатору от 1^{го} мая сего года, рядовой Оренбургского линейного № 1 батальона Шевченко (бывший художник Императорской Академии художеств, отданный в службу за политическое преступление), во внимание к ходатайству Президента Академии художеств Её Императорского Высочества Великой княгини Марии Николаевны уволен от службы с учреждением за ним надзора там, где он будет жить, и с воспрещением въезда в обе столицы.

По неосновательному распоряжению коменданта Ново-Петровского укрепления, где состоял на службе Шевченко до увольнения в отставку, выдан сему рядовому билет, в котором не обозначено воспрещения жительства в столицах, вследствие чего Шевченко и отправился в С.-Петербург...

Сделав распоряжение по вверенному мне управлению к удовлетворению изъяснённого требования, я долгом считаю сообщить об оном Вашему Сиятельству на случай прибытия рядового Шевченко в Москву или Московскую губернию».

С осени 1857 года в Москве знали, как встречать всероссийского поднадзорного Шевченко. Правда, к весне 1858 года ситуация существенно изменилась, и поэт на законных основаниях прибыл в марте в Москву, а затем выехал из неё в Петербург. Однако надзор за ним отнюдь не отменялся, наоборот, присутствие Шевченко в Москве требовало повышенного внимания со стороны полиции.

Не случайно возвращение Шевченко в Петербург сопровождалось грозными напутствиями: Начальник III отдела В. Долгоруков 13 февраля 1858 года информировал министра внутренних дел С. Ланского:

«Ныне по всеподданейшему докладу моему ходатайства её императорского высочества президента Академии художеств государь-император изволили всемилостивейше разрешить

отставному рядовому Шевченко проживать в С.-Петербурге... однако, чтобы он подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору...»

В феврале, как известно, Шевченко находился в Нижнем Новгороде, и начальник Нижегородской губернии генерал Муравьев очень хорошо понимал, что нужно сделать ему с отъездом опального поэта из города. В найденном мною деле хранится его сообщение московскому военному генерал-губернатору:

«Художник Тарас Шевченко отдан был в 1848 году, по Высочайшему повелению, в военную службу с назначением рядовым в Отдельный Оренбургский корпус.

В мае прошедшего года Всемилостивейше разрешено уволить его от службы, с учреждением за ним в месте его жительства надзора и с возвращением ему права въезда в столицы, а в сентябре 1857 года Шевченко прибыл в Нижний Новгород и остался здесь под надзором полиции до марта месяца...

В марте месяце (9 числа) Шевченко выехал из Нижнего Новгорода в С. Петербург, но, по частным сообщениям известно, доехав до Москвы, остановился в одной по случаю постигшей его болезни».

В самом деле, Кропотнику докладывали, что видели бородатого Шевченко с красным глазом и прыщеватым лбом, разгуливавшего вместе с артистом Щепкиным по Москве. Более того, несколько дней назад их обоих видели рядом с домом обер-полицмейстера — захаживали к Аксакову. Но сие не прописано на бумаге, а кто же станет оценивать работу на слух. Получается, что поднадзорный Шевченко уезжает из Москвы, а полковник Кропоткин даже не доложил о его... приезде в письменном виде! Совсем недавно вступил в исправление должности и фактически проигнорировал указание свыше! Подобное добром не кончается, так и генеральское звание может отодвинуться вдаль... Князь раздражённо чертыхнулся и велел вызвать к себе правителя канцелярии коллежского асессора Степана Орловского, который, кстати, жил в доме обер-полицмейстера и, кажется, лично видел Шевченко. Неизвестно, что Кропоткин говорил ему, но попалась мне в архиве на глаза бумага, которую он тогда подписал:

«Господину Московскому Военному Генерал Губернатору
Исправляющего должность
Московского Обер Полицмейстера

Рапорт

Означенный в предписаниях Вашего Сиятельства к бывшему Г-ну Обер-Полицмейстеру и ко мне, от 26 сентября прошлого года и 5 сего марта за №№ 1066 и 219, отставной рядовой Тарас Шевченко прибыл из Нижегородской губернии проездом в СПетербург и остановился Сретенской части 1 квартала в доме Щепотьева.

О чем имею честь донести Вашему сиятельству, присовокупляя, что за Шевченко до выезда его отселе в СПетербург, строгий полицейский надзор учреждён.

Флигель-адъютант, полковник, князь Кропоткин.

№ 332.

„26“ марта 1858 года.»

Кропоткин внимательно перечитал составленную бумагу, остался доволен её должностной подобоострастностью и деловой сжатостью, одобрительно отметил, что обращение к военному генерал-губернатору написано сплошь из больших начальных букв, выведенных особенно красиво и витиевато, как впрочем, и название его — Кропоткина — должности. Самостоятельно вписывая свои регалии и старательно подписываясь, он опять ощутил внутреннее беспокойство и снова уставился в рапорт. Затем резко и решительно подчеркнул в конце четвёртой строки: отставной рядо-»; перенос этого слова, три буквы — «вой» он уже не стал

трогать, ибо перо потянулось к истинному источнику полковничьего раздражения — фамилии поднадзорного. Когда Кропоткин рассерженно подчёркивал два слова — «Тарас Шевченко» — его рука дрогнула, и документ это навсегда зафиксировал...

Что и говорить, откровенно лживый рапорт о Шевченко подписал исправляющий должность московского обер-полицмейстера. Но его можно понять: не желал полковник Алексей Кропоткин терять свою златную должность. Никак не желал! И, можно сказать, согрешил вынужденно. К тому же был уверен, что военный генерал-губернатор Арсений Закревский не станет вникать в это дело, тем более дотошно проверять. Иначе полковник не посмел бы докладывать о прибытии в Москву поднадзорного Шевченко в день его... отъезда.

Вообще в то время полицейское наблюдение было поставлено неважно. Постоянные агенты, слонявшиеся по рынкам и трактирам, очень редко проникали в дома «приличного общества», в котором и вращался все дни пребывания в Москве Шевченко. Шпионы-добровольцы приносили, как правило, ложные доносы, которые зачастую являлись результатом сведения мелких счетов. Окружение Шевченко в Москве таких особей не содержало. Что касается постоянного наблюдения, то оно, по словам исследователя российского сыска Петра Кошеля, «по-видимому, производилось сравнительно редко и чаще всего работало вхолостую».

Впрочем, обер-полицмейстер был озабочен абсолютно другим: ему предстояло доложить ещё об «отбытии» поднадзорного Шевченко из Москвы. Кропоткин и с этим справился блестяще. Выручила, говоря словами мудрого философа Семёна Франка, «полицейская мудрость». Выждав несколько дней, он обратился к Закревскому снова:

«Господину Московскому Военному Генерал Губернатору
Исправляющего должность
Московского Обер Полицмейстера

Рапорт

В дополнение к рапорту моему от 26 минувшего марта за № 332 имею честь донести, что отставной рядовой Шевченко 4 сего апреля выехал из Москвы в СПбетербург.

Флигель-адъютант, полковник, князь Кропоткин.

№ 368.

„9“ апреля 1858 года».

Как видим, в этот раз московский обер-полицмейстер не спешил докладывать явную неправду, всё равно Шевченко давно был в Петербурге. Между тем, в канцелярии московского военного генерал-губернатора об этом не знали и, получив рапорт Кропоткина, 12 апреля наложили на нём резолюцию: «Уведомить С. Петербургского Военного генерал-губернатора». Тот, может быть, удивился столь позднему сообщению об опальном поэте, давно жившем уже в Петербурге.

Впрочем, обязан доложить читателю, что в московской полиции не раз и раньше случались подобные неточности. Скажем, с Пушкиным. Он прибыл в Москву 5 декабря 1830 года, а полицмейстер Миллер докладывал исправляющему должность московского обер-полицмейстера полковнику Сергею Муханову, что «9 числа сего декабря». Пушкин уехал из Москвы в Петербург 15 мая 1830 года, а московский обер-полицмейстер информировал об этом своего петербургского коллегу... 29 июня.

«За полную радость обязан я Щепкину»

Лев Жемчужников как-то написал о судьбе Шевченко: «У кого в жизни можно пересчитать дни горя, у него счастливые дни». На мой взгляд, не будет преувеличением сказать, что мартовские дни 1858 года в Москве были для Шевченко счастливыми. Они стали яркой кон-

центрированной антитезой к тем сотням и тысячам горьких дней, которые поэт провел в ссылке.

В Москве кипела жизнь! И Шевченко, хотя и ненадолго, сполна погрузился в нее, со щемящей радостью ощутил, что поэтическая слава его, несмотря на долгие годы отсутствия в Первопрестольной, росла. Именно в Москве Шевченко с особой силой и на высоком уровне «учёных и литературных знаменитостей» понял то, о чем журнал «Основа» писал относительно всей дороги поэта из ссылки в Петербург: «Возвращение Шевченка, после 10-летней разлуки, приветствовала вся Украина и не-Украина истинным восторгом: на всём пути, от Астрахани до Петербурга, его встречали, как друга, все, без различия национальностей, знавшие его по сочинениям, или по слухам; все старались дать ему почувствовать, что разлука и 10-летнее молчание его ничуть не изменили ни уважения к нему, как человеку, ни любви и сочувствия, как к народному певцу».

Никогда раньше и никогда позже, так сказать, духовный и культурный досуг и представительские визиты Шевченко не были столь упорядочены и управляемы, столь продуманы и протезированы извне, как в период его пребывания у Михаила Щепкина.

«Михайло Семёнович ухаживает за мною, как за капризным больным ребёнком. Добрейшее создание!» — эта запись в дневнике 15 марта, сделанная во время болезни поэта, предвосхищала все дальнейшие заботы Щепкина о Шевченко в течение всего гостевания в Москве.

Прежде всего, сопровождая Шевченко в прогулках по городу и во время различных совместных визитов, Щепкин проявил буквально чудеса дружеской самоотверженности. Не сомневаюсь, что читатель уже сам обратил на это внимание. Но всё же телеграфно повторю, что добрый и участливый Щепкин успел сделать для Шевченко.

Как только поэт относительно выздоровел, артист 18 марта сам повёз его в город, сначала к Максимовичу, затем — к Мокрицкому и в книжный магазин своего сына. 19 марта Щепкин провёл на ногах весь день, вместе с Шевченко, они, говоря словами поэта, «несмотря на воду и грязь под ногами, обходили по крайней мере четверть Москвы». И это в семьдесят лет! Тем более, что здоровье у Щепкина было далеко не могучее. Не случайно на следующий день Михайло Семёнович «ставил себе банки». Но уже вечером он отправился с поэтом к Станкевичам! 21 марта Щепкин полдня возил Шевченко по знакомым, а 22 марта направился с поэтом к Аксакову. Сделав перерыв на один день по случаю Пасхи, 24 марта Щепкин сопровождает Шевченко в поездке к Аксаковым, Репниной, Шумскому, участвует с ним в «званом обеде» в книжном магазине, вечером самолично везёт поэта к купцу Варенцову. 25 марта Щепкин снова находится рядом с Шевченко на обеде, который устроил в честь поэта Максимович. А ведь утром следующего дня артист отправился на гастроли в Ярославль! Такой напряжённый график в течении недели нелегко выдержать даже молодому и здоровому «чичероне» (Шевченко), а Щепкин, повторимся, не был ни молод, ни здоров. Но ради друга...

Никто, кроме Щепкина, пожалуй, не мог создать столь благоприятные условия для встреч Шевченко со старыми знакомыми, тем более, организовать и обеспечить такое количество новых интересных знакомств. Только щепкинские связи имели фактически системный характер и вобрали в себя лучших представителей элиты русского общества.

Достаточно сказать, что в московском дневнике Шевченко названы свыше 30 фамилий. Из них 8 — это давние знакомые Тараса Григорьевича, с которыми он встретился в Москве, в том числе Бодянский, Максимович, Мокрицкий, Репнина, Щепкин... Кроме того, Шевченко назвал в дневнике почти 30 фамилий людей, с которыми он впервые познакомился в Москве, среди них Аксаковы, Афанасьев, Бабст, Волконский, Забелин, Кетчер, Корш, Крузе, Мария Максимович, Мин, Станкевич, Хомяков, Погодин, Чичерин, Шумский... А ещё остались упомянутыми Бартенев, Галаган, Елагина, с которыми Шевченко точно встречался вместе со Щепкиным. Не забудем также, что, например, 12 марта Шевченко записал в дневнике о вечере у Щепкина, когда он «встретил несколько человек гостей, и между ними Кетчера, Бабста и

Афанасьева, с которыми тут и познакомил меня хозяин». Названы только три человека, но были и другие новые знакомые, хотя, судя по всему, менее важные и значимые для Шевченко. Или ещё. 24 марта перечислив в дневнике тех, кого встретил в книжном магазине Николая Щепкина на «званом обеде», поэт добавил многозначительно: «и многих других». В тот же день на вечере у купца Варенцова Тарас Григорьевич, по его словам, встретился «с некоторыми московскими художниками и музыкантами».

И все эти встречи и знакомства, без преувеличения, со сливками московского общества, с «московской учёно-литературной знаменитостью», произошли в течении двух недель, одну из которых Шевченко не выходил из дома, но, благодаря Щепкину, не порывал связи с внешним миром. Поразительно! Впечатляюще!

Благодарный поэт записал 21 марта: «В продолжение недели я здесь встретился и познакомился с такими людьми, с какими в продолжение многих лет не удалось бы встретиться». А ещё через три дня Шевченко сделал в дневнике искреннее признание по поводу новых знакомств: «И за всю эту полную радость обязан я моему знаменитому другу М.С. Щепкину». Это всё равно, что признаться в организации счастья...

Встречи и знакомства в Москве были, безусловно, важными и знаковыми для духовного космоса поэта, который после ссылки возвращался к полноценной жизни, с наслаждением вдыхал интеллектуальный воздух. Он очаровал многих новых знакомых и не случайно в дневнике поэта 6 мая 1858 года записано, уже в Петербурге, что его землячка, возвратившаяся из Москвы, «привезла мне три короба поклонов от моих московских друзей». Наверное, случалось, что за внешней гостеприимностью и светской вежливостью поэт интуитивно угадывал человеческую неискренность и аристократическую заносчивость. Бесспорно, что не все люди, с которыми Шевченко общался в Москве, разделяли его взгляды, и Тарас Григорьевич хорошо видел и знал, что не со всеми ему по дороге. Поэт обогнал время, однозначно заявив, что у россиян «народ и слово, и у нас народ и слово».

Для Шевченко было жизненно важно убедиться, что после десятилетия оторванности от цивилизации он стоял на уровне образованности московских интеллектуалов, а его культурные интересы, духовные запросы и, главное, творческий задел и мощный потенциал украинского поэта поразили москвичей. Среди них он встретил новых и настоящих друзей:

«В Москве более всего радовало меня то, что я встретил в просвещённых москвичах самое тёплое радушие лично ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии. Особенно в семействе С.Т. Аксакова».

Это были последние слова в дневнике, которые касались счастливого московского марта. Лучше не скажешь!

Имена для памяти

Известие о смерти Шевченко быстро достигло Москвы с помощью телеграфа. Уже 28 февраля 1861 года оно появилось в «Московских ведомостях» на первой странице в жалобном обрамлении. 1 марта «Московский курьер» сообщал:

«О.М. Бодянский сообщил нам полученное из Петербурга, 26 февраля, телеграфное известие о кончине Т.Г. Шевченка, последовавшей в воскресенье утром. Погребенье... назначено на вторник».

В лице Т.Г. Шевченка малороссийская литература лишилась одного из своих даровитейших поэтов, произведения которого известны и большинству нашей публики по переводам, появлявшимся в разных русских журналах».

На следующий день, 2 марта, газета «Русская речь» писала:

«26 февраля, в 6 часов утра, скончался в Петербурге известный литератор Тарас Григорьевич Шевченко. И талантом своим, и характером, остававшимся неизменно благородным

во всех обстоятельствах жизни, покойный снискал себе всеобщее уважение. Потеря его отзовется глубоко во всех, кто имел возможность наслаждаться его произведениями».

27 апреля гроб с прахом Шевченко в сопровождении Григория Честаховского и Александра Лазаревского прибыл на Николаевский вокзал в Москве. Все, что происходило дальше, начиная с первого биографа поэта Михаила Чалого, вмещалось в нескольких фразах. У того же Чалого: «После торжественной встречи гроба Шевченко в Москве, поезд достиг Орла». Правда, со временем информация стала чуть богаче и равнялась приблизительно строкам из «Шевченковского словаря», изданного в 1977 г.: «Через Москву весной 1861 гроб с телом Шевченко везли из Петербурга на Украину. 27.IV его привезли в Москву и установили в церкви Тихона-чудотворца возле Арбатских ворот. С поэтом прощалось много москвичей». В научных трудах информация также была скудной.

Десять лет назад я обратился за помощью в Центральный исторический архив Москвы и получил ответ: «На Ваш запрос сообщаем, что сведений об установлении гроба с телом Тараса Шевченко в церкви Тихоновской у Арбатских ворот в 1861 году, перевозимого из Петербурга через Москву на Украину, не обнаружено».

Но через два года у меня в руках было важнейшее свидетельство, оставленное Григорием Честаховским. Оно было найдено украинским шевченковедом Сергеем Гальченко среди документов, которые в конце 2006 года вернулись в Украину из Украинской Вольной Академии Наук в США.

Вот это свидетельство:

«Вчера вечером в 6-ть часов подняли мы с вокзала нашего сильного отца Тараса и повезли: по Цветному, Страстному, Никитскому и Тверскому бульварам и поставили его в маленькой церквушке Св. Тихона на Арбатской площади.

Люди, которые шли, путешествовали за Кобзарем, больше всего было студентов, немного офицеров и четыре заядлых барышни. Они шли пешком от самой станции до церквушки Свят. Тихона. Когда везли Кобзаря, людей присоединялось все больше, все больше и больше».

Далее Честаховский писал, что неподалёку, «саженной с 50-т», от Сухаревой башни (Шевченко вспоминал ее в своем дневнике 13 сентября 1857 года) он увидел в лавочке портрет Пугачева и был так потрясен, что «побежал искать среди людей Лазаревского», чтобы сказать ему: «Смотри, вот Пугачов в цепях кланяется Тарасу».

Значение живого свидетельства Григория Честаховского о перевозке гроба Тараса Шевченко из Николаевского дворца в храм Святого Тихона Чудотворца на Арбатской площади трудно переоценить.

Прежде всего, впервые отчётливо указан путь, по которому везли гроб Шевченко с северо-востока Москвы в центр — по Цветному, Страстному, Тверскому и Никитскому бульварам. На Цветной бульвар, который Честаховский назвал первым, траурная процессия попала от вокзала таким путём: через улицу Домникова (ныне Маши Порываевой) или через Большую Спасскую улицу на Большую Сухаревскую площадь и мимо Сухаревой башни (Честаховский зафиксировал ее в воспоминаниях) — на Малую Сухаревскую площадь и Садово-Самотёчную улицу, которая является частью Садового кольца. Отсюда процессия круто повернула на юг по Цветному бульвару, затем на запад по Петровскому бульвару и перешла на Страстной бульвар, а дальше, как рассказал Честаховский, только сначала был Тверской, а затем — Никитский бульвары.

Вся дорога от вокзала до Арбатской площади, занимающая около 6 километров была пройдена людьми пешком, поэтому гроб с прахом Шевченко был доставлен в храм Тихона Амафунтского, скорее всего, после 8 часов вечера.

В записи Честаховского упоминаются «офицеры», сопровождавшие гроб. Вполне возможно, что это были кадеты Александровского корпуса, расположенного рядом с храмом святого Тихона, которых привел ученик Осипа Бодянского, педагог Александр Котляревский.

Свидетельство Честаховского полностью подтвердило мое предположение, что среди участников встречи гроба с прахом поэта и панихиды в арбатской церкви Святого Тихона, больше всего было студентов Московского университета. К тому же, он добавил чрезвычайно важный штрих: «Когда везли Кобзаря, людей присоединялось всё больше, всё больше и больше».

Не остаётся никаких сомнений, что встреча гроба с прахом Тараса Шевченко в Москве была многолюдной и достойной.

В пользу этой уверенности свидетельствует и неизвестная доселе информация, обнаруженная мною в газете «Московские ведомости» (№ 79 от 8 апреля 1861 года). В короткой заметке сообщалось буквально следующее:

«6-го апреля, в сороковый день смерти Т.Гр. Шевченко, некоторые почитатели поэта собрались в церкви Успения (что в Газетном переулке), где и выслушали с благоговением панихиду по покойному поэте».

Эта панихида, организованная, конечно, Бодянским, который хорошо знал церковь Успения Божьей Матери недалеко от дома, где он жил, со всей убедительностью подтверждает благоговейное отношение московских друзей и знакомых Шевченко к памяти о нём.

Если москвичи собрались на панихиду, когда гроб поэта лежал ещё в холодной петербургской земле, то они никак не могли пропустить панихиду над прахом поэта в арбатской церкви святого Тихона.

Кто же в Москве служил панихиду над прахом Тараса Шевченко? Кто присмотрел за гробом в храме Тихона Амафунтского на Старом Арбате 27–28 апреля 1861 года? Мне очень хотелось наконец назвать (через почти полтора столетия!) имена церковнослужителей храма святого Тихона, оставить их в нашей памяти. Поиски в Центральном историческом архиве Москвы оказались крайне сложными: архив Московской духовной консистории после Октябрьской революции серьёзно пострадал. Но все-таки сохранились дела некоторых московских храмов — церковные книги, переписка шести сороков, в том числе Пречистенского, в который и входил храм Тихона Амафунтского. В «Списке церквей Московской епархии» церковь «Тихоновская у Арбатских ворот» стоит под № 27 в 1-м отделении Пречистенского сорока.

В деле «Клировые ведомости Пречистенского сорока г. Москвы за 1861 году» обнаружилась «Ведомость о церкви Святого и Чудотворца Тихона Амафунтского, что возле Арбатских ворот». В ней и были фамилии всех церковнослужителей арбатского храма. Это была победа! Подумалось, что, равно как не горят рукописи, не исчезают бесследно и архивные документы. Теперь мы можем назвать этих людей.

Священник Левитский Николай Сергеевич, 32 года, родился в Московской епархии, сын священника, учился в Вифанской семинарии, которую закончил в сентябре 1850 года с аттестатом 1-го разряда. В ноябре того же года назначен дьяконом Георгиевской церкви в Ендове. Со 2 февраля 1860 года — священник церкви Тихона возле Арбатских ворот.

У Николая Левитского была жена и три сына.

Дьякон Фивейский Павел Васильевич, 37 лет, родился в Московской епархии, сын палача, учился в Московской семинарии, которую закончил в 1844 году с аттестатом 2-го разряда. С августа 1848 года до мая 1863 года — дьякон церкви Тихоновской возле Арбатских ворот.

Женат, имел двух детей, девочку и мальчика. Жил недалеко, в Афанасьевском переулке.

Пономарь Беляев Петр Васильевич, 29 лет, родился в Московской епархии, сын священника, учился в Московской семинарии. С октября 1853 года по ноябрь 1864 года — пономарь церкви Тихоновской возле Арбатских ворот.

Женат, имел двух детей, девочку и мальчика.

Просвирня Соловьева Евдокия Никитовна, 63 года, в церкви святого Тихона с октября 1840 года, то есть задолго до того, как в Москву впервые приехал Шевченко. «Читать и пи-

сать умеет». Жила с дочерью. Работала в храме до старости [ЦИАМ ф. 203, оп. 744, д. 2396, л. 181–190; ф. 2125, оп. 1, ед. хр. 1595, л. 1–4].

Эти люди так или иначе причастны к оказанию церковных почестей Тарасу Шевченко в храме святого Тихона и панихиде над ним. Они заслуживают нашей доброй памяти и того, чтобы их имена и фамилии отныне упоминались в соответствующих работах о Кобзаре.

Григорий Честаховский оставил нам рисунок карандашом «Гроб Т.Г. Шевченко в дороге», помещённый в этой книге. На нем — дроги, нарисованные абрисом, детальнее прописаны извозчик и четвёрка лошадей. Эти дроги стояли утром 28 апреля на Арбатской площади возле храма Тихона Амафунтского. Отсюда, из центра Москвы и до самого Киева прах Шевченко везли на лошадях по почтовому тракту через Серпухов — Тулу — Орел — Кромы — Волобуево — Кошелёвку — Дмитровск — Севск — Эсмань — Глухов — Кролевец — Батурин — Борзну — Нежин — Носовку — Козелец — Залесье — Бровары. То была далёкая и печальная дорога, и Украина помнит о ней. Акцентирую внимание читателя на том, что началась она со Старого Арбата.

Вообразим себе 28 апреля 1861 года — день, о котором до сих пор не написано ни одной строки... Над Арбатской площадью поднимается по-весеннему тёплое солнце, золотит маковки храмов святых Бориса и Глеба и Тихона. Возле Тихоновского храма собралось немало людей, в особенности много молодёжи. Слышится мелодичный украинский язык. Григорий Честаховский и Александр Лазаревский, сопровождающие гроб с телом Шевченко, тихо переговариваются со священником лет тридцати, потом все трое заходят в церковь. От роскошной усадьбы Голицыных, где стоят экипажи, кто-то направляется к людской толпе. Группа молодых людей приближается от Александровского кадетского корпуса. Возле восьмиугольного водоразборника из красного кирпича, что рядом с церковью, переговариваются извозчики, приехавшие с кадками за водой, и торговки — на площади ярмарка. Вот они вместе подходят к церкви, крестятся и стоят молча. Проходил катеринщик с шарманкою-шафочкой и танцующими куклами в ней, остановился. Благообразная женщина одёрнула мальчишек, которые раскричались возле ручья Черторый. От Арбатской и Знаменской полицейских будок подошли будочники. Будто растворились в толпе жандармы и даже юродивые. Нечто было такое в атмосфере, что остановило и собрало людей возле Тихоновского храма. Над Арбатской площадью повисает тишина...

*Як умру, то поховайте
Мене на могилі
Серед степу широкого
На Вкраїні милій...*

Кто-то из студентов взволнованно читает шевченковские строки. Ведь именно ради воплощения завещания поэта собрались друзья и знакомые Кобзаря возле церкви святого Тихона...

*Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.*

Вдруг загудели колокола, студенты выносят из церкви гроб с телом Шевченко и устраивают его на дрогах. Извозчик поднимается на свое место и слегка дёргает вожжи. Дроги двигаются. За ними едет крытый экипаж для Честаховского и Лазаревского, сейчас они идут пешком. Бодянский, сильно хромя, следовал за гробом, время от времени притрагиваясь к нему. Слезы по другу он уже выплакал, его глаза были красными, по сухими. Траурная про-

цессия, выходит на старинную Знаменскую улицу. На углу Знаменки и Арбатской площади скорбный кортеж минует колоннаду Александровского кадетского корпуса, который фасадом выходит на улицу. Возле церкви Знамения Пресвятой Богородицы замерли богомолки и ревностно крестятся. Отсюда за гробом пошли несколько мужчин интеллигентной внешности в дорогих пальто, наверное, профессора Московского университета, живущие рядом. Из церкви вышли люди, наблюдают за процессией, кое-кто примыкает к ней. Из окон особняков выглядывают хозяева и прислуга.

На углу Знаменки и Волхонки траурная процессия приостановилась возле пятиглавого храма Николая Чудотворца с колокольной. Здесь собралось немало москвичей...

*А чистих серцем? Коло їх
Постави ангели свої,
І чистоту їх соблюди.*

Скорбная процессия пересекает улицу Волхонку и поворачивает к недавно построенному Большому Каменному мосту, позади — красавец Кремль, который любил Шевченко, а впереди — храм Христа Спасителя. Часть людей расходится, молодёжь направляется дальше, кое-кто собирается подъехать на извозчиках за город, где предполагается остановка дрог с гробом. В историческом документе об этой остановке за городом говорится: «Стечение публики было значительное». Тарас Шевченко навсегда оставил Старый Арбат, чтобы остаться здесь навсегда...

Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина ф. 312, оп. 1, ед. хр. 255

Забелин И.Е. 2001. *Дневники. Записные книжки*. — М.: Издательство им. Сабашниковых.

Земенков Б.С. 1966. *М.С. Щепкин в Москве*. — М.: Московский рабочий.

Карабутенко И., Марусич А., Новохатский М. 1989. *Шевченко в Москве. Историко-литературный очерк*. — К.: Советский писатель.

От Пречистенских до Арбатских ворот. Москва, которой нет. Путеводитель. — М., 2012.

Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, ф. 92, № 47, л. 1–2.

Шевченко Т. 2003. *Повне зібрання творів у дванадцяти томах*. Т. 5. — К.: Наукова думка.

Центральный исторический архив Москвы. ф. 16, оп. 47, д. 130, л. 11., ф. 203, оп. 747, ед. хр. 1727, л. 811–811 об., ф. 16, оп. 47, д. 130., ф. 203, оп. 744, д. 2396, л. 181–190., ф. 2125, оп. 1, ед. хр. 1595, л. 1–4.